
18+
Печать
Зимней крови
Садуллоев Шермухаммад

Шермухаммад Садуллоев

Печать зимней крови

https://litres.ru/74959399
ISBN 9785007172509

Аннотация

Эльвира готова на всё, чтобы спасти сестру Миру, погружённую в серый сон. Единственный шанс — сделка с королевой Зимнего двора: брак на год и один день с Кайреном Аш-Даротом, лордом-драконом. Это не любовь, а договор, где каждое слово — ловушка. Но древняя печать пробуждается на запястье Эльвиры, раскрывая опасные тайны. Кому верить, чем пожертвовать и можно ли спасти всех? История о магии, клятвах, сильной героине и любви вопреки всему. И выбор.

Содержание

Печать зимней крови 5
Часть первая. Договор 6
Глава 1. Серый сон 6
Глава 2. Зов границы 13
Глава 3. Королева Исольда 22
Глава 4. Условия договора 30
Глава 5. Первая встреча с Кайреном 40
Глава 6. Свадьба без любви 50
Глава 7. Дорога в Граничные земли 60
Глава 8. Замок Аш-Дарот: первая ночь 70
Глава 9. Ночь у двери 79
Часть вторая. Лёд и огонь 88
Глава 10. Хозяйка замка 88
Глава 11. Правила дома 98
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Печать зимней крови

Шермухаммад Комилчонович Садуллоев

© Шермухаммад Комилчонович Садуллоев, 2026

ISBN 978-5-0071-7250-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Печать зимней крови
Романтези

Часть первая. Договор

Глава 1. Серый сон

К исходу третьей недели Эли перестала считать, сколько трав она перепробовала.

На подоконнике сохли пучки зверобоя и тысячелистника, в ступке остывал отвар белой ивы, а на столе, поверх старых записей матери, лежал раскрытый травник с потрёпанными страницами. Эли знала его наизусть. Она читала его в двенадцать лет, когда мать впервые разрешила ей растирать корни. Читала в шестнадцать, когда мать не вернулась с ночного вызова. И вот теперь, в двадцать четыре, перечитывала снова, водя пальцем по строчкам, как будто ответ мог проступить, если смотреть достаточно упрямо.

Ответа не было.

За перегородкой, на узкой кровати, спала Мира.

Эли всё ещё называла это сном, хотя знала, что это неправда. Спящий человек ворочается, вздыхает, хмурится во сне. Мира лежала неподвижно, и лицо её стало похожим на пепел, подёрнутый инеем. Кожа потеряла цвет, ресницы казались нарисованными, а пальцы, лежавшие поверх одеяла, были холодными даже в натопленной комнате.

Серый сон. Так его называли в деревне, шёпотом, не глядя

друг другу в глаза.

Эли отложила травник, взяла свечу и тихо прошла за перегородку. Села на край кровати, привычным движением нашла запястье сестры и замерла, считая. Пульс был, но редкий и слабый, словно далёкий стук в закрытую дверь.

— Ты же обещала, — сказала она вполголоса. — Обещала, что не будешь болеть, пока я не разрешу.

Мира, конечно, не ответила.

Эли отогнула рукав её рубашки. Серая полоса, которую она отметила вчера углём у запястья, заметно ушла выше. За день она поднялась на два пальца. Три недели назад Мира была бодрой шестнадцатилетней девчонкой, которая таскала за сестрой корзину с травами, спорила обо всём на свете и мечтала уехать в город учиться. Потом однажды утром не проснулась к завтраку.

Эли тогда решила, что это просто усталость. Потом решила, что лихорадка. Потом, когда серая тень поползла от кончиков пальцев вверх по руке, она перестала себе лгать.

Она перепробовала всё. Отвары от лихорадки, от яда, от слабости сердца. Растирания, компрессы, заговоры, которым её учила мать и которые она раньше считала просто красивыми словами. Ездила к старухе-травнице за три деревни. Вызвала лекаря из города, и тот, осмотрев Миру, долго молчал, а потом сказал, пряча глаза:

— Это не болезнь, девочка. Это проклятие. Такие вещи лечат не травами.

— А чем? — спросила Эли.

Он только развёл руками, взял плату за визит и уехал, не оглядываясь.

Проклятия. Эли слышала о них с детства, как о сказках для непослушных детей. Говорили, что за Граничной рекой, где кончаются людские земли и начинается Серый лес, живёт Древний народ. Красивый, жестокий и бессмертный. Фэйри. Они не лгут, говорили старики, но лучше бы лгали, потому что их правда хуже любой лжи.

Но кому могла понадобиться деревенская девчонка Мира? Что у неё можно было взять? Что у них обеих вообще было?

Эли сидела, глядя на сестру, и чувствовала, как внутри нарастает холодная, ясная ярость. Ярость на тех, кто сделал это. На себя, потому что не уберегла. На мать, которая ушла слишком рано и не оставила ни одного рецепта от такой беды.

Свеча догорала, оплывая воском на блюдце. Эли наклонилась, поправила одеяло и коснулась губами лба сестры. Лоб был ледяным.

— Я найду способ, — прошептала она. — Слышишь? Я что-нибудь придумаю.

Она не знала, кому говорит это громче: сестре или себе.

Утром пришла Тамара, соседка. Она приносила хлеб и молоко и каждый раз смотрела на Миру с таким выражением, что Эли хотелось закричать. Не жалость, нет. Хуже: усталое

смирение человека, который уже всё решил.

— Эльвира, — сказала Тамара, ставя крынку на стол, — ты бы поспала. На тебе лица нет.

— Я сплю.

— Ты не спишь уже вторую неделю. Я же вижу свет в окне. — Тамара помолчала и добавила мягче: — Девочка может не очнуться. Ты должна быть готова.

— Не может, — отрезала Эли. — Она очнётся.

— Милая…

— Она очнётся, Тамара.

Соседка вздохнула, покачала головой, но спорить не стала. Только у двери обернулась и сказала тихо, словно боялась, что стены услышат:

— Говорят, у Зимнего двора можно купить что угодно. Даже то, чего купить нельзя. Но цену там называют такую, что лучше бы не слышать.

Дверь закрылась. Эли застыла с ложкой в руке.

Зимний двор. Королева Исольда. Те самые, о ком шептались у печек долгими вечерами. Те, кто, если верить сказкам, способен и проклясть, и снять проклятие. Если захочет. Если цена окажется подходящей.

«Лучше бы не слышать», — сказала Тамара.

Эли посмотрела на серую полосу, поднявшуюся уже выше локтя Миры. До плеча оставалось два пальца. А когда серость доберётся до сердца…

Она не стала додумывать.

День Эли провела так, будто ничего не решила. Растопила печь, сварила кашу, которую Мира не съест, обтёрла ей лицо и руки травяным настоем. Перебрала запасы, пересыпала сушёную мяту в чистый мешочек и аккуратно, по привычке, подписала его. Рука на секунду замерла над словом «мята». Подписывать было некому. Она всё равно дописала.

К вечеру небо затянуло. Тамара принесла похлёбку, постояла на пороге и ушла, не сказав ни слова. Эли была ей за это благодарна.

Когда стемнело, она достала из сундука материнскую шаль, тёмно-синюю, с вытертой бахромой, и накинула на плечи. Потом нашла в ящике стола листок и написала несколько строк.

«Тамара. Присмотри за Мирой. Не давай ей ничего, кроме воды с мёдом: каждые два часа по ложке. Не пускай лекаря, он только пугает. Я вернусь. Эльвира».

Она положила листок под солнечную чашку, в которую Мира собирала речные камешки, и села на край кровати в последний раз.

— Я вернусь, — сказала она. — Ты меня знаешь. Я упрямая.

Стена за спиной тихо скрипнула. Эли обернулась и застыла.

Окно было открыто не так, как она оставила. Створка приоткрылась на ладонь, и в щель тянуло холодом, острым и чистым, как воздух перед первым снегом. Хотя на дворе стоял

только конец осени, и вечер был слякотным и тёплым.

На стекле расцветал иней.

Эли подошла ближе, не дыша. Тонкие белые прожилки ползли по стеклу, ветвились, сплетались, и в их плетении она вдруг различила нечто, чего не бывает у природы: ровные, аккуратные линии, похожие на буквы.

Приди.

Одно слово. Без подписи.

Эли протянула руку. Кончик пальца коснулся стекла, и в то же мгновение, на самом запястье, под кожей, что-то отозвалось. Лёгкий, едва заметный толчок, будто в венах пробежала ледяная вода. Она отдёрнула руку и поднесла запястье к свече.

Ничего. Обычная кожа, синяя жилка, старый шрам от ножа для трав.

Но ощущение не уходило. Оно жило под кожей, тихое и настойчивое, как слово, которое хочется повторить, потому что оно тебе давно знакомо.

«Фэйри не лгут», — вспомнила она.

Значит, это не ловушка. Значит, её действительно ждут. Значит, кто-то по ту сторону границы знает, что она есть, знает её имя, знает, где она живёт. И хочет, чтобы она пришла.

Кому может понадобиться деревенская целительница, которой нечего предложить?

Эли не знала. Но она знала другое: она никогда не научит-

ся не хотеть то, что может спасти Миру. Даже если это будет стоить дороже, чем она может представить.

Она обернулась к кровати. Мира лежала всё так же. Только серая тень на её запястье, как показалось Эли, остановилась. Не отступила, нет. Просто замерла, словно прислушиваясь.

Интересно, к чему?

Эли быстро вышла в сени, взяла дорожную сумку, которую собирала ещё два дня назад и не решалась признаться себе, зачем, надела тёплые сапоги. Тронула дверной косяк, как делала в детстве, уходя из дома. Приложила ладонь к дереву и тихо сказала:

— Береги её.

Дом, разумеется, не ответил.

Но когда Эли ступила на тропинку и обернулась, ей почудилось, что в окне, за ледяным узором, который так и не растаял, мелькнуло что-то светлое. Не человек и не тень. Просто взгляд: внимательный, неторопливый, почти ласковый.

И это было страшнее всего.

Она подняла воротник шали и пошла на север, туда, где за последними огородами начиналась дорога к Граничной реке.

Глава 2. Зов границы

До Граничной реки было шесть вёрст, и Эли прошла их быстрее, чем когда-либо ходила.

Дорога тянулась через заброшенные пастбища, мимо покосившихся изгородей и пустых сараев. Здесь давно никто не жил. Люди уходили от границы, как вода уходит от берега, и оставляли после себя только запах мокрой соломы и тишину. Эли шла, не оглядываясь, и считала шаги, чтобы не думать.

На третьей версте она заметила, что туман идёт вместе с ней.

Он стелился по земле, тонкий и молочный, и расступался прямо перед её сапогами, как будто знал дорогу лучше неё. Эли остановилась. Туман остановился тоже. Она сделала шаг в сторону, на поле, и он послушно поплыл следом, снова ложась ей под ноги.

— Понятно, — сказала она вслух. — Ведёшь.

Туман не ответил. Но запястье отозвалось тёплым, почти ласковым толчком, и это было хуже любого ответа.

Мать учила её трём правилам. Эли помнила их с тех времён, когда ещё не понимала, зачем нужны. *Не благодари. Не ешь и не пей. Не называй своего имени.* «Это не сказки, Эли, — говорила мать, перебирая засушенные корешки. — Это то, что стоит между тобой и вечной службой. Запомни и никогда не нарушай». Тогда Эли кивала, думая о другом.

Теперь она повторяла эти три правила, как молитву.

Граничная река показалась на рассвете, хотя рассвета как такового не было: небо только слегка посерело, и мир стал похож на рисунок углём. Река была не широкой, шагов тридцать, но вода в ней стояла неподвижно, тёмная, гладкая, без единой ряби. Над ней висела тишина такая плотная, что у Эли заложило уши.

На этом берегу кончались людские земли. На том начинался Серый лес.

Эли подошла к самой воде. Через реку был переброшен узкий каменный мост, вернее, то, что от него осталось: пять арок, изъеденных временем, и посередине провал, в котором ничего не было, кроме тумана. Старики говорили, что мост разрушили в ту войну, о которой нынче не принято вспоминать.

И тогда Эли увидела огонь.

Он горел чуть правее, на высоком скалистом уступе, там, где река делала крутой поворот. Не костёр, нет: на таком расстоянии огонь был величиной с ладонь, но горел ровно и ярко, как маяк. Рядом с ним, на фоне светлеющего неба, поднималась башня. Высокая, тёмная, будто вырубленная из цельного камня.

Аш-Дарот. Замок хранителя границы.

О нём в деревне говорили ещё осторожнее, чем о фэйри. Хозяин замка, лорд-дракон, не показывался людям десятилетиями. Говорили, он не спит. Говорили, что по ночам над

рекой скользит огромная тень, и в такие ночи даже собаки не лают. Говорили, что граница держится лишь потому, что кто-то стоит на ней, неподвижный и страшный.

Эли смотрела на огонь и вдруг ощутила странное: взгляд. Не чужой, нет. Просто чувство, что кто-то там, наверху, тоже смотрит на неё. На маленькую фигурку у самой воды, в старой шали, с дорожной сумкой через плечо.

Потом тень пересекла огонь. Огромная, на долю секунды, будто крыло, заслонившее свет. И исчезла.

Эли выдохнула.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Он знает, что я здесь. Значит, не помешает.

Надеялась ли она на это? Нет. Просто привычка человека, который всю жизнь убеждает себя, что самое страшное уже позади.

Она повернулась к мосту. Провал посередине был шире, чем казался издали, шагов в пять. Никакого пути дальше. Эли осторожно ступила на первую плиту и тут же услышала за спиной лёгкий смешок.

— Я бы не стал, — произнёс голос. — Там в самом деле ничего нет.

Она обернулась так быстро, что шаль соскользнула с плеча.

На берегу, в трёх шагах, стоял юноша. Или нечто, выглядевшее как юноша: тонкий, высокий, в одежде цвета речной воды, с волосами, которые казались то светлыми, то сереб-

ристыми, смотря под каким углом падал свет. Лицо его было красиво той красотой, какая бывает у статуй: правильной, холодной и чуть слишком совершенной. На ресницах блестел иней.

Фэйри. Живой, настоящий, не из сказки.

Эли не двинулась с места. Сердце колотилось где-то в горле, но голос, к её собственному удивлению, остался ровным.

— Ты ждал меня.

— Я ждал, — согласился юноша. Он улыбнулся, и улыбка была тёплой, а глаза остались ледяными. — Давно ждал. Дольше, чем ты думаешь.

— Кто послал?

— Та, кто имеет право посылать.

Это не был ответ, и Эли это знала. Фэйри не лгали, но умели говорить так, чтобы правды в сказанном оказывалось ровно столько, сколько нужно им самим. Мать говорила: «Слушай не то, что они сказали. Слушай то, чего они не сказали».

— Назови её имя, — потребовала Эли.

Юноша слегка наклонил голову.

— Ты уже знаешь. Все знают.

Исольда. Королева Зимнего двора. Эли почувствовала, как холодок скользнул по спине, и впервые за долгую ночь ей захотелось развернуться и бежать. Но за спиной была Мира, серая, неподвижная, с остановившейся тенью на запястье. Бежать было некуда.

— Моя сестра больна, — сказала она. — Это сделал твой

двор?

— Я не говорил этого.

— И не говорил обратного.

Улыбка юноши стала чуть шире, и в ней мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Ты быстро учишься, дочь Вейнов. Это хорошо. Это сэкономит нам время.

Эли напряглась. Он назвал её по роду, не по имени. Лазейка, острая, как лезвие: ничего из трёх правил не нарушено, но он уже знал о ней больше, чем следовало.

— Проведи меня к ней, — сказала она. — К королеве. Я пришла говорить.

— Ты пришла торговаться, — мягко поправил юноша. — Это разные вещи. Говорят все. Торгуются только те, кому есть что отдать.

— Мне нечего отдавать.

— Вот как? — Он шагнул ближе. Эли почувствовала запах: снега, свежего льда и чего-то сладкого, неуловимого, как воспоминание. — А мне кажется, у тебя есть то, ради чего стоит ждать целую вечность.

Он посмотрел на её запястье. Эли невольно прикрыла его ладонью.

— Что это? — спросила она хрипло. — Что со мной?

— Спроси у Королевы. Это её право ответить.

— Я спрашиваю тебя.

— Я не могу, — просто сказал он, и в этом «не могу» не

было ни хитрости, ни насмешки. Только констатация. Эли поняла: он говорит правду. Он действительно не может. Его удерживает что-то посильнее обычного запрета, нечто вроде присяги.

Это почему-то испугало её больше всего.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Веди.

— Не веди, — сказал юноша. — Идём. Это разные слова, но тебе стоит научиться их различать. Ведут пленников. А ты пришла сама.

Он протянул руку. Не для того, чтобы взять её за ладонь: просто жест, приглашающий ступить на мост. Эли посмотрела на провал, на плиты, чёрную воду внизу.

— Там ничего нет, — повторила она его же слова.

— Ничего нет для тех, кто ищет мост, — ответил он. — А ты ищешь дорогу.

Это не имело смысла. Но она ступила на плиту, потом на следующую. Холодный камень был шероховатым, влажным, надёжным. Над провалом она задержала дыхание и сделала шаг, не глядя вниз.

Под подошвой хрустнуло, как под тонким льдом.

Она не упала.

Туман под её ногами уплотнился, стал твёрдым и прозрачным, словно застывшая вода, и по нему, шаг за шагом, она перешла на тот берег. Позади раздался лёгкий смех.

— Видишь? — сказал юноша. Он шёл рядом, не отставая, и его шаги были совсем неслышными. — Дорога бывает там,

где её ждут.

Эли хотела ответить. Хотела поблагодарить: слово уже поднялось к губам, привычное, вежливое, человеческое «спасибо». Она успела прикусить язык в последнюю секунду. Во рту остался железный привкус.

Юноша обернулся. Взгляд его на миг стал острым, как у охотника, которого чуть не лишили добычи.

— Ты помнишь правила, — произнёс он без обиды, почти с уважением. — Это редкость. Обычно люди благодарят на втором шаге.

— У меня была хорошая мать, — ответила Эли.

— Была? — он задержался на этом слове на мгновение, и Эли в первый раз заметила, что его глаза не просто холодные. Они были очень, очень старыми.

Она не ответила.

Серый лес вырос перед ними внезапно. Только что тропа вела по голой равнине, и вот уже вокруг стояли деревья, тонкие, белоствольные, с листвой цвета пепла. Ветра не было, но листья дрожали, как от дыхания. Тишина здесь не давила, а слушала.

На каждой ветке сидели птицы. Маленькие, серебристые, неподвижные. Они не пели и не двигались. Просто смотрели.

Эли шла за юношей и чувствовала, как с каждым шагом запястье теплеет сильнее. Печать (она впервые подумала это слово, и оно вдруг показалось правильным) откликалась на лес, как струна на ноту.

Она шла так долго, что сбилась со счёта шагов. Может, час. Может, всю жизнь. Лес не заканчивался, но менялся: деревья становились выше, стволы толще, на них проступали узоры, похожие на письмена. Потом впереди забрезжил свет: бледный, голубовато-белый, холодный, как лунное сияние на снегу.

Деревья расступились.

Эли остановилась.

Перед ней, посреди широкой поляны, из земли поднимались врата. Не каменные, не железные: ледяные. Прозрачные колонны уходили вверх, смыкаясь в арку, в которой, как в застывшем озере, плавали тонкие золотые нити. За вратами, в глубине, виднелись очертания дворца: шпили, мосты, башни, сотканные будто из инея и звёздного света.

Зимний двор.

Красивее всего, что Эли когда-либо видела. И страшнее.

— Дальше я не могу, — сказал юноша. Он остановился у самой черты и склонил голову. — Дальше только ты. Она ждёт.

— Подожди. — Эли обернулась. — Как тебя зовут?

Он улыбнулся, и в этот раз улыбка дошла до глаз.

— Хороший вопрос. И опасный. Но я отвечу, потому что ты не нарушила ни одного правила. Меня зовут Лиин.

Это было больше, чем она ожидала. Намного больше. Эли вдруг поняла, что он только что оказал ей услугу, и что где-то в невидимой книге двора это уже записано.

Она выпрямилась.

— Я ничего тебе не должна, Лиин.

— Пока нет, — согласился он, и в голосе его скользнула нежность, от которой стало жутко. — Пока нет, дочь Вейнов.

Врата дрогнули. Звон прокатился над поляной, чистый и долгий, как удар по хрустальному бокалу. Ледяные створки медленно разошлись, и из глубины дворца хлынул свет, и вместе с ним голос. Женский, негромкий, мелодичный, с такой лаской в каждом слове, что Эли захотелось заплакать.

— Ты опоздала на три недели, милая. Но я прощаю. Входи.

Эли сжала в кулаке край шали, так, что побелели пальцы, и сделала первый шаг.

Глава 3. Королева Исольда

Врата сомкнулись за её спиной без звука.

Эли не обернулась. Она знала, что назад дороги нет: не потому что её не выпустят, а потому что она пришла сама, а значит, уйти придётся тоже самой. И не с пустыми руками.

Дворец оказался не просто красивым: он был живым. Под ногами лежали плиты, по которым медленно, как рыбы под льдом, двигались серебристые тени. Стены дышали светом, мягким, голубоватым, без единого источника. С потолка, которого не было видно, падали редкие снежинки и, не долетая до пола, таяли, оставляя в воздухе запах холодной воды и яблоневого цвета.

И повсюду были они.

Фэйри стояли вдоль стен, сидели на ступенях, склонялись друг к другу в тихих беседах. Мужчины в одеждах цвета инея, женщины с волосами, в которые были вплетены не цветы, а крошечные живые огоньки. Лица у многих были скрыты тонкими масками из белого стекла. Но Эли чувствовала их взгляды на своей коже, как лёгкие прикосновения паутины.

Никто не заговорил с ней. Никто не двинулся с места.

Она шла по длинной галерее, и коридор расступался перед ней, как лес. Руки она держала сжатыми, плечи расправленными. Шаль тяжело оттягивала спину, и в какой-то мо-

мент Эли поймала себя на мысли: мать бы гордилась. Мать всегда говорила, что страх нужно носить, как платье: красиво, спокойно, не показывая швов.

Галерея закончилась высокой аркой, и Эли вошла в зал.

Зал был круглым, огромным, с потолком из чистого льда, сквозь который виднелось небо. Настоящее небо, ночное, с неподвижными звёздами. В центре стоял трон. Не высокий, не золотой, как рисуют в сказках: простое кресло из белого камня, будто выросшее прямо из пола. Рядом с ним на ступенях лежал белоснежный пёс с глазами цвета расплавленного серебра.

На троне сидела женщина.

Эли ожидала увидеть красоту. Она была готова к красоте. Но Исольда оказалась не красивой: она была *безупречной*, и это пугало сильнее. Тёмные волосы, ровные, как зимняя река, лицо без единого изъяна, серые глаза с лёгким голубым отблеском. На ней было простое платье цвета снега, и на груди, на цепочке, висел один-единственный камень: тёмный, неяркий, похожий на каплю застывшей крови.

— Подойди, — сказала королева.

Голос был тёплым. Это поразило Эли больше всего. Она ждала льда, а в нём звучала ласка, почти материнская, и от этой ласки по спине полз холод.

Эли подошла. Остановилась в пяти шагах от ступеней. Склонила голову ровно настолько, чтобы это было приличием, но не покорностью.

— Ваше величество.

— Эльвира Вейн, — произнесла королева, будто пробуя имя на вкус. — Двадцать четыре года. Целительница. Дочь Лианы Вейн, которая ушла слишком рано. Сестра Миры, которой осталось, по моим подсчётам, одиннадцать дней.

Эли вздрогнула.

— Одиннадцать?

— Серая тень доходит до сердца за тридцать три дня. Двадцать два уже прошло. Я говорю тебе правду, милая, потому что иначе не умею.

Эли сглотнула. Одиннадцать дней. Она думала, что времени больше. Она думала, что успеет.

— Вы можете её спасти? — спросила она, и собственный голос показался ей чужим.

— Могу.

Так просто. Одно слово, и в груди у Эли что-то оборвалось и закричало от облегчения. Но тут же включился разум, холодный и быстрый, как шахматный игрок.

— Какова цена?

Исольда улыбнулась. Улыбка была искренней, и это пугало.

— Вот эта девочка мне нравится, — сказала она, обращаясь не к Эли, а к белому псу. Пёс не шелохнулся. — Не «что вы хотите», не «я всё отдам». Просто: *какова цена*. Ты умна. Это хорошо.

Она подняла руку, и рядом с Эли из пола вырос стол: тон-

кий, прозрачный, ледяной, уставленный блюдами. Золотистые груши, вино, хлеб с медовой коркой. Запах ударил в голову так, что у Эли скрутило желудок. Она не ела со вчерашнего утра.

— Угощайся. Ты устала. Мы не торгуемся на голодный желудок.

— Благодарю за предложение, — ответила Эли, тщательно подбирая слова, — но я сыта.

Глаза Исольды чуть сузились.

— Лианина дочь, — тихо сказала она. — Конечно. Лиана была упряма. Вы все упрямые, Вейны.

Стол растаял так же беззвучно, как возник.

— Хорошо. Тогда к делу. Ты пришла просить за сестру. Я готова её исцелить. Но прежде ты имеешь право задать мне один вопрос, и я отвечу на него правдиво, без уловок. Таков мой закон.

Эли напряглась. Подвох чувствовался в каждом слове, как острый край под шёлком.

— А что взамен?

— Один вопрос взамен. Ты задашь свой, я задам свой. Ты ответишь так же честно.

Вот оно. Фэйри не лгут, но торгуют правдой, как лавочники. Любой ответ имел цену, а любой вопрос открывал дверь, за которой могло оказаться что угодно.

Эли молчала. В голове теснились десятки вопросов. *Это вы наслали проклятие? Что за печать на моём запястье?*

Почему я? И каждый из них, она чувствовала, мог стоить ей слишком дорого. Не просто ответ: след, зарубка, нитка, за которую потом потянут.

Она выбрала не спрашивать.

— Благодарю, ваше величество, — сказала она медленно. — Но я приберегу свой вопрос. Если позволите, хочу сначала услышать цену.

В зале повисла тишина. Кто-то из фэйри в масках тихо выдохнул. Пёс у трона поднял голову.

Исольда смотрела на неё долго.

Потом рассмеялась. Смех был низким, живым, настоящим, и от него у Эли по спине пробежали мурашки.

— Умница, — произнесла королева с нескрываемым удовольствием. — Неужели Лиана научила тебя только этому? Или в тебе есть и другое?

— Вы обещали цену, — напомнила Эли.

— Обещала. — Исольда поднялась с трона. Это было движение очень плавное, почти неуловимое: только что сидела, и вот уже стоит, и платье стекает с неё, как вода по камню. — Слушай внимательно, Эльвира Вейн. Я расскажу тебе всё, что можно сказать без вопроса. Это моя щедрость. Не благодари.

Она спустилась со ступеней, и каждая из них на мгновение вспыхивала под её ногами тонким голубым светом.

— В тебе спит печать, — сказала королева. — Древняя. Старше моего трона, старше этого двора, старше самой гра-

ницы. Она передаётся по женской линии, из поколения в поколение, и просыпается не у каждой. У Лианы она спала до самой смерти. У тебя проснулась в ночь, когда твоя сестра заболела.

Эли почувствовала, как ледяная вода пошла по венам. Запястье пылало.

— Я не знала.

— Конечно, не знала. Для этого её и прячут.

— Что она делает?

— А вот это уже вопрос, милая. — Исольда улыбнулась почти ласково. — Но пока ты его не задала, я скажу лишь одно. Печать делает тебя нужной. Многим. Не только мне.

Она остановилась в двух шагах. Теперь Эли чувствовала запах: тот самый, снега и сладости, но глубже, темнее, как вино со льдом.

— Твоя сестра будет жить, — сказала королева. — Я сниму серый сон. Мира проснётся здоровой, и ни одна тень не коснётся её снова, пока я жива. Это моё слово, а слово моё нерушимо.

— А я? Что должна сделать я?

— Ты выйдешь замуж.

Эли решила, что ослышалась.

— Что?

— Замуж, — повторила Исольда спокойно, как о погоде. — За лорда-дракона, хранителя Граничных земель. Люди и мой народ давно живут в хрупком мире, милая. Он держится

на нескольких нитях, и одна из них вот-вот порвётся. Брачный союз связал бы две стороны надёжнее любого договора. Особенно если невеста несёт в себе то, что ты несёшь.

Эли молчала. Мысли разлетелись, как птицы.

Замуж. За дракона. За того, кто не показывался людям десятилетиями, кто не спит, чья тень гасит огонь на башне.

Она вспомнила огромное крыло, скользнувшее над рекой на рассвете. Взгляд, которого не могла объяснить. И вдруг поняла, что Исольда не лжёт. Ни в одном слове. И всё же что-то в этой правде было сложено так, как складывают нож в ножны: ровно, красиво и очень тщательно, чтобы лезвия не было видно.

— Его зовут Кайрен Аш-Дарот, — сказала королева. — Он согласится. Я уже спросила.

— Вы *спросили*?

— Он ответил, что готов. — Исольда чуть склонила голову. — Видишь, как всё просто, Эльвира? Одно твоё слово, и у твоей сестры будет целая жизнь. Ты можешь отказаться. Я не стану тебя удерживать. Можешь вернуться в свою деревню, и мы будем считать, что этого разговора не было.

Она помолчала. И добавила тихо, почти с сочувствием:

— Одиннадцать дней. Тебе хватит, чтобы дойти до дома и успеть попрощаться.

Эли стояла неподвижно, глядя на камень на груди королевы. Тёмный, как капля застывшей крови. Ей вдруг показалось, что он дышит.

Почему именно она? Почему именно сейчас? Почему всё так аккуратно сложено, так выверено, будто кто-то, не торопясь, годами расставлял фигуры на доске, и вот теперь осталось только подвинуть последнюю?

Она знала: любой, кто понимает в травах, скажет, что слишком хорошее лекарство бывает ядом.

Но Мира лежала там, в тёплой комнате, и серая тень стояла на её запястье, выжидая.

Эли подняла голову.

— Мне нужно знать условия, — сказала она. — Все. Каждое слово. Каждую оговорку.

— Конечно, — согласилась Исольда, и в голосе её прозвучало что-то очень похожее на торжество. — Мы с тобой обо всём договоримся. Ты ведь умная, Эльвира.

Она повернулась к арке и негромко хлопнула в ладоши. В зале зажёгся новый свет, а из тени вышел фэйри в одежде цвета ночного неба, с тяжёлым свитком в руках. Свиток был перевязан серебряной нитью и пах чернилами, морозом и чем-то ещё, едва уловимым.

Кровью.

— Садись, — сказала королева. — Начнём.

Глава 4. Условия договора

Свиток развернулся сам.

Фэйри в ночной одежде только коснулся серебряной нити, и пергамент лёг на ледяной стол, как лист на воду. Буквы на нём шевелились, будто живые, и Эли поняла, что читать придётся медленно, по одной строке, возвращаясь к началу. Договор писался не для того, чтобы его поняли. Он писался для того, чтобы его невозможно было нарушить.

Она села на ступеньку у трона. Исольда осталась стоять, сложив руки, и смотрела на неё с лёгким интересом, как смотрят на ребёнка, взявшегося за сложную задачу.

— Не торопись, — сказала королева. — У тебя есть время до рассвета.

Эли подняла глаза.

— Мира умирает.

— Одиннадцать дней, милая. Одну ночь я могу позволить.

Она читала. Первые строки были простыми: имена сторон, дата, обычные слова о мире и добрососедстве. Потом шли условия, и тут начиналось самое важное. Эли водила пальцем под строками, как делала в детстве над материнским травником, и проговаривала про себя каждое слово.

Эльвира Вейн вступает в брак с Кайреном Аш-Дарот, хранителем Граничных земель, сроком на один год и один

день.

Год и один день. Не навсегда. Она выдохнула и только тогда заметила, что до этого не дышала.

В течение этого срока супруги обязуются жить под одной крышей, делить стол и кров и являться перед людьми и фэйри как муж и жена.

«Являться». Не «быть». Эли отметила это слово и пошла дальше.

По истечении срока, если мир на границе пребудет нерушимым, брак считается исполненным, и обе стороны свободны от обязательств.

Королева Зимнего двора, Исольда, обязуется снять с Миры Вейн проклятие серого сна.

Эли остановилась. Перечитала. Потом подняла голову.

— Когда?

— Простите?

— Здесь не сказано когда. Написано «обязуется снять». Это может быть завтра, а может быть через год. К тому времени Мира… — Голос не дрогнул, и Эли гордилась этим. — Мне нужна точная формулировка. Тень уходит с Миры в тот самый миг, когда я ставлю подпись. Не позже.

Исольда молчала. В зале стало так тихо, что Эли услышала, как где-то под полом, глубоко, медленно потрескивает лёд.

Потом королева улыбнулась.

— Хорошо.

Фэйри с пером шагнул вперёд. Он провёл кончиком пера по пергаменту, и строка перестроилась на глазах, как вода, нашедшая новое русло: *…снять с Миры Вейн проклятие серого сна в тот миг, когда будет поставлена подпись невесты.*

Эли кивнула и продолжила.

Вторая строка. Третья. На каждой она останавливалась и находила слабое место: слово, допускавшее два смысла, срок, оставленный без числа, обязанность без указания того, кто её исполняет. Сперва она делала это испуганно, торопливо. Потом спокойнее. Фэйри с пером становился всё более внимательным, а Исольда всё меньше улыбалась и всё больше смотрела.

— Ты хорошо читаешь, — произнесла она наконец.

— Меня учила мать.

— Лиана никогда не читала договоров.

— Поэтому и учила меня, — ответила Эли, не поднимая головы.

Она нашла следующее.

Эльвира Вейн вносит в союз свою кровь, дабы скрепить его по древнему обычаю.

Эли подняла голову.

— Кровь.

— Одну каплю, — мягко сказала Исольда. — Таков обычай. Её нужно отдать добровольно, и ты отдашь её сегодня, при подписи.

— Одна капля. И больше ничего?

— И больше ничего.

Эли смотрела на королеву долго. Слова были правдой, она чувствовала это так же ясно, как чувствовала разницу между ядом и лекарством по запаху. Но «и больше ничего» относилось к сегодняшнему дню. Завтра эти слова могли значить совсем другое.

— Добавьте, — сказала она. — Ни одна капля моей крови, ни одна частица моей силы, ни один волос с моей головы не может быть взят у меня без моего свободного согласия, данного вслух и в здравом уме. Ни двором, ни королевой, ни мужем. Никогда.

Зал словно вздохнул. Фэйри в масках у стен зашевелились, и по залу прошёл шелест, похожий на шёпот листьев.

Исольда не двинулась. Только кончики её пальцев чуть сжались.

Потом она тихо сказала:

— Добавь.

Перо скользнуло по пергаменту. Эли смотрела, как строка ложится на бумагу, и чувствовала странное: торжество, смешанное с тревогой. Слишком быстро согласилась. Слишком легко. Будто эта оговорка стоила королеве меньше, чем должна была стоить.

Значит, у неё есть другой путь, подумала Эли. *Не через мою кровь. Через что-то другое.*

Она перечитала договор с начала. Потом ещё раз. Под са-

мым последним пунктом, ближе к низу, обнаружилась короткая строка, набранная мельче остальных, и около неё поверх букв лежала тонкая печать из чёрного воска, будто кто-то закрыл её от чужих глаз.

— А это?

— Это условие касается только твоего жениха, — сказала Исольда. — Его старая клятва, данная мне ещё до твоего рождения. Она не имеет к тебе отношения.

Фраза прозвучала гладко. Слишком гладко. Эли почувствовала, как по затылку скользнул холодок: она знала этот тон. Так говорят, когда произносят правду, внутри которой лежит нож.

Она могла использовать свой вопрос. Прямо сейчас. *Что в этой строке?* Королева ответит честно. Но Эли будет обязана ответить на встречный вопрос, а чем он окажется, она не знала. Слишком рискованно. Слишком рано.

— Добавьте, — сказала она снова. — Ничто в этом договоре, ни явное, ни скрытое, не обязывает меня служить Зимнему двору, повиноваться королеве или совершать какие-либо действия в её интересах.

На этот раз тишина затянулась.

Фэйри с пером перевёл взгляд на королеву. Тот самый, ночной, спокойный взгляд, который, как поняла Эли, был здесь единственным, что напоминало об осторожности. Исольда смотрела на неё теперь иначе: без прежней ласки, внимательно, с чем-то вроде уважения. И чего-то ещё. Раздра-

жения, может быть. Или азарта.

— Ты просишь многого, дочь Вейнов.

— Я прошу ровно того, что вы мне и так обещали. Я пришла не как слуга. Я пришла по сделке.

— Ты пришла как просительница.

— Просительницы не читают договоры.

Кто-то тихо, почти беззвучно, фыркнул в толпе. Эли не обернулась.

Исольда помолчала ещё мгновение. Потом коротко кивнула.

— Добавь.

Строка легла на пергамент. Эли перечитала её дважды, трижды, по слогам. Лазеек не нашла. Она знала, что они есть, где-то, в таком договоре они есть всегда, но пока сил искать не осталось. Глаза резало. Голова гудела от недосыпа и холода. Запястье ныло ровной, глухой болью.

Она выпрямилась.

— Где подписывать?

— Внизу. Своим именем.

Эли замерла.

Вот оно. Третье правило: *не называй своего имени*. Эльвира Вейн. Если вписать его сюда, на этот пергамент, то имя станет не просто словом. Оно станет ниткой, за которую можно потянуть откуда угодно и когда угодно.

— Вписать я могу только то, чем меня называют, — сказала она. — Имя, данное при рождении, останется моим. Вы

уже знаете, кто я: дочь Лианы, сестра Миры, целительница из Тихого Брода. Вот этим я и подпишусь.

Исольда чуть наклонила голову.

— «Дочь Лианы Вейн, целительница из рода Вейн, сестра Миры». Неплохо. Это не нарушает закон. — Она взглянула на фэйри с пером. — Запиши.

Эли взяла перо. Оно было тяжёлым, холодным, и острие его блестело, как капля росы. Она прижала палец к шипу у основания, быстрым, привычным движением целительницы. Боль была острой, но короткой. Выступила бусинка тёмной крови.

Она занесла перо над пергаментом.

Мира, подумала она. *Только Мира.*

И подписала.

Перо скользнуло по бумаге, и там, где его касалась кровь, буквы вспыхнули бледным золотом. Потом золото стало серебром, потом льдом, и по пергаменту пробежала лёгкая рябь, будто по воде. Свиток дрогнул, свернулся сам и мягко погрузился в пол, как камень в озеро.

И в тот же миг где-то далеко, за стенами дворца, за серым лесом, за рекой, за шестью вёрстами пустых пастбищ, в маленьком доме с погасшей печью что-то тихо щёлкнуло. Эли не могла объяснить, откуда она это знала. Просто знала: так отпирается замок.

Она почувствовала это всем телом. Не услышала, не увидела: *почувствовала*, как между нею и сестрой, невидимая

и тонкая, как волосок, натянулась нить. Дрогнула. И в этой нити вдруг, впервые за три недели, раздался вздох. Глубокий, ровный, живой.

Эли закрыла лицо руками.

Она не плакала. Просто сидела, прижимая ладони к глазам, и дышала вместе с сестрой, за много вёрст от неё, пока комната не перестала качаться.

Исольда ждала. Она ни разу не шевельнулась, не сказала ни слова, и в этой тишине впервые не было ничего пугающего. Только неторопливое, терпеливое ожидание.

— Она спит, — наконец произнесла королева. — Обычным сном. Завтра проснётся и попросит есть. Слово моё нерушимо.

Эли опустила руки.

— Я хочу её увидеть.

— Увидишь. После свадьбы.

— Вы обещали…

— Я обещала снять проклятие. Я его сняла. — Голос Исольды остался ровным, мягким. — О встрече в договоре ни слова, милая. А что не записано, то подлежит обсуждению.

Эли сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Она знала, что королева права. Знала, что сама не потребовала этого. Что целая ночь внимательного чтения оставила дыру там, где она не смотрела, потому что смотрела только на одно.

Она склонила голову. Гордость стоила ей усилия.

— Когда свадьба?

— Завтра на закате.

— Так скоро?

— Договор вступает в силу с подписи. Чем скорее вы встанете рядом, тем крепче мир. — Исольда протянула руку, и в её ладони блеснуло что-то маленькое и серебряное: кольцо, тонкое, без камня, с узором, похожим на текущую воду. — Это тебе. Пока ты носишь его, никто из моего двора не сможет причинить тебе вреда. Это подарок. Принять его можно.

Эли посмотрела на кольцо, потом на королеву.

— А если я его не приму?

— Тогда не примешь. Но будешь одна в самой опасной земле, какую знает этот мир.

Это не было угрозой. Просто констатацией. Эли протянула руку и взяла кольцо. Оно было ледяным и сразу согрелось от её кожи.

Лиин ждал у арки. Она не заметила, когда он появился: просто повернулась и увидела его, стоящего в тени, с прежней улыбкой на губах.

— Я провожу тебя к покоям, — сказал он. — Тебе нужно отдохнуть. Завтра у тебя тяжёлый день.

— А мой жених?

— О, он придёт. — Улыбка Лиина стала чуть шире. — Он уже здесь.

Эли обернулась.

В самом конце зала, у высоких дверей, которых она раньше не замечала, стоял мужчина. Высокий, в тёмном плаще,

с лицом, наполовину скрытым тенью капюшона. Он не двигался. Не говорил. Просто стоял, неподвижный, как вырубленный из камня, и смотрел на неё.

На ней.

И даже на таком расстоянии, сквозь полумрак и шаги фэйри, сквозь запах льда и яблоневого цвета, Эли ощутила то, чего не должна была ощущать. Жар. Тихий, сдержанный, опасный жар, как от печи, у которой закрыли заслонку, но огонь внутри всё ещё горит.

Запястье отозвалось.

Она не отвела взгляда.

Глава 5. Первая встреча с Кайреном

Покои, которые отвели Эли, оказались похожи на внутренность жемчужины.

Стены переливались молочным светом. Кровать с полупрозрачным балдахином стояла в нише у окна, а само окно выходило не на лес и не на двор, а на бескрайнее поле белых цветов, колышущихся без ветра. Эли знала, что в настоящем мире таких цветов нет. Но смотреть на них было приятно, и именно это настораживало.

Лиин оставил её у порога.

— Если что-то понадобится, позови, — сказал он. — Просто назови моё имя.

— Я не стану этого делать.

— Конечно, — согласился он с улыбкой. — Но я всё равно услышу.

Дверь закрылась мягко, без щелчка.

Эли простояла посреди комнаты целую минуту. Потом сняла сапоги. Потом, подумав, шаль. Потом села на край кровати и поняла, что руки у неё дрожат.

Она достала из кармана кольцо и положила на ладонь. Тонкое, серебряное, с рисунком, который теперь, при свете, показался ей не водой, а чешуёй. Очень мелкой, очень точной. Эли повертела его, поднесла к носу. Запах снега и чего-то ещё, чуть горьковатого.

— Подарок, — произнесла она вслух. — Подарок, который «можно принять».

Она не надела его. Опустила в карман.

Стук раздался, когда она уже расплетала косу.

Не лёгкий, не вкрадчивый, как у Лиина. Размеренный, тяжёлый, будто стучали не пальцами, а ладонью. Три удара, пауза, ещё один.

Эли знала, кто это.

— Войдите.

Дверь открылась, и он вошёл.

Вблизи он оказался ещё выше, чем она думала. Эли пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть лицо, и сначала она увидела только глаза. Янтарные, цвета старого мёда на просвет. А потом, на долю секунды, зрачки сузились и вытянулись вертикальной линией, как у кошки или змеи, и вернулись обратно.

Он заметил, что она заметила.

Капюшон он снял, и теперь Эли могла рассмотреть его целиком. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем принято у людей, с проседью у висков, хотя ему на вид было лет тридцать пять. Резкие скулы. Тонкий белый шрам, идущий от уголка рта к подбородку. Лицо человека, который давно разучился улыбаться и не пожалел об этом.

Он был красив. Не так, как фэйри, не безупречной красотой стекла. Другой красотой, жёсткой, потёртой, как рукоять меча, которую слишком часто держали.

— Лорд Аш-Дарот, — сказала она.

— Кайрен, — ответил он. Голос был низким, ровным, без выражения. — Если вы позволите.

— Мы же женимся.

— Через двадцать часов, — уточнил он. — Пока что мы просто двое, оказавшиеся в одной комнате.

Он не вошёл дальше порога. Остановился, заложив руки за спину, и Эли заметила: он держится так, будто комната слишком мала для него, а он слишком большой и слишком осторожный, чтобы случайно что-то задеть.

По полу у его ног расходилась тонкая лужица: иней на ковре таял там, где он стоял.

— Вы согласились, — сказала Эли, не сводя с него глаз. — Королева сказала, что вы согласились. Вы знали, что я приду?

— Знал, что кто-то придёт.

— Кто-то?

— Я не знал, что это будете вы. — Он помедлил. — Я не знал, какая вы.

Не «кто вы». «Какая вы». Эли отметила разницу.

— И какая же?

— Та, которая читает договор ночью, прежде чем подписать, — сказал он. — Я слышал. В этом дворце все слышат всё.

Она ожидала насмешки, но в его тоне её не было. Скорее, осторожное, почти неохотное признание.

— Что вам обещали? — спросила она. — Что вы получаете от этого брака?

Лицо Кайрена не изменилось. Но в янтарных глазах что-то дрогнуло и ушло вглубь.

— Мир на границе, — ответил он. — Это всё, что я могу сказать.

— Не «всё, что я хочу сказать».

— Нет. — Он выдержал её взгляд. — Всё, что могу.

Эли подняла брови. Она слышала эту формулу сегодня уже дважды: от Лиина на мосту, от королевы перед свитком. Она знала, что за ней стоит. *Присяга*.

— Вы связаны клятвой.

Пауза. Очень короткая, но ей хватило.

— Да.

— Перед Зимним двором.

— Да.

— Она касается меня?

Кайрен молчал так долго, что Эли решила: ответа не будет. Потом он сказал медленно, подбирая каждое слово, словно шёл по тонкому льду:

— Королева сказала вам, что не касается.

— Я спрашиваю вас.

— Я не могу ответить так, как вы хотите.

Это было не «нет». И не «да». Эли почувствовала, как внутри что-то холодеет, а рядом с этим холодом растёт непонятная, странная досада. На себя. Потому что человек перед

ней не лгал, не изворачивался, не прятал взгляд. Просто стоял и принимал её недоверие, как принимают ливень, понимая, что он заслужен.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда другой вопрос. Что вы от меня хотите?

— Ничего.

— Невозможно. Брак…

— Договор, — поправил он. — На год и день. Мне нужно, чтобы вы жили в моём замке, появлялись рядом на людях и не пытались меня убить. — Уголок его рта едва заметно дёрнулся, и Эли вдруг поняла, что это шутка. Очень маленькая, почти спрятанная. — Всё остальное на ваше усмотрение. Спальни разные. Двери запираются изнутри. Ни при каких обстоятельствах я не войду к вам без приглашения.

Она смотрела на него, не понимая, что чувствует. Облегчение? Недоверие? Что-то третье, тёплое и тревожное?

— Это входит в условия?

— Это входит в то, что я обещаю вам лично. — Он слегка склонил голову. — Мой собственный договор. Без свитков.

— Вы понимаете, что это ничего не стоит? Без печати? Без записи?

Он посмотрел на неё внимательно.

— Я дракон, — сказал он. — Мы не лжём тоже. Просто не хвастаемся этим.

Вот это было уже неожиданно. Эли не нашлась с ответом. Он, по-видимому, и не ждал.

— Я хотела видеть сестру, — сказала она наконец, чувствуя, как голос предательски садится. — Королева отказала. Сказала, что после свадьбы.

Кайрен чуть кивнул.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я был у вашего дома.

Эли не сразу поняла.

— Что?

— Два часа назад. Когда вы подписали. — Он говорил ровно, глядя куда-то мимо её плеча, словно признавался в чём-то неловком. — Я знал, что вы захотите убедиться. Дракону дорога в вашу деревню занимает двадцать минут. Девочка спит. Дыхание ровное, лицо порозовело. Соседка сидит рядом, держит её за руку и плачет, так что, думаю, вас хватятся только к утру.

Эли молчала.

— Тень исчезла, — добавил он тише. — Я видел. Следа нет.

На рассвете, у реки, она видела над водой огромное крыло. Тогда решила, что ей показалось.

— Вы летали туда, чтобы…

— Чтобы вы не были одна с вопросом, — сказал он коротко. — Это не любезность. Мне нужен был ваш ясный ум, а не ваша тревога.

Это тоже была полуправда: Эли слышала это так же ясно,

как слышала, что сейчас у него дрожат пальцы за спиной. Но другая половина была настоящей, она это чувствовала.

Слова поднялись сами, прежде чем она успела их остановить.

— Спасибо.

Кайрен вздрогнул.

Не заметно: он только едва повёл плечом, как человек, которого коснулись там, где давно ничего не касалось. Лицо осталось неподвижным, но тот самый жар, что шёл от него, на миг стал сильнее, и иней на ковре у его ног испарился совсем.

— Вы не должны… — начал он хрипло. — Вы понимаете, что здесь так нельзя?

— Вы не фэйри.

— Нет.

— Значит, можно.

Он долго смотрел на неё. Потом, очень тихо, произнёс:

— Пожалуйста.

И только теперь Эли поняла, что впервые за весь этот длинный день вдохнула полной грудью.

Она отвернулась к окну, где цвели белые цветы, и уставилась на них, пока не прошло странное жжение в глазах. Потом спросила, не оборачиваясь:

— Вы заметили кольцо?

— Да.

— И?

— Не носите его, когда остаётесь одна. — Его голос стал жёстче. — Подарки двора редко бывают только подарками.

— Королева сказала, что оно защищает.

— Оно защитит. — Он замолчал. — От всех, кроме тех, кто его дал.

Эли резко повернулась.

— Вы это сказали, потому что…

— Потому что вы спросили. — Он развёл руки, и этот жест вдруг сделал его похожим на человека, которого поймали и который сам пошёл навстречу. — Я не могу сказать большего. Не потому что не хочу. Потому что не могу. Если бы мог, вы бы знали всё.

Она ему поверила.

Это было странно и страшно: поверить мужчине, о котором она не знала ничего, кроме имени, шрама и жара, который шёл от него, как от печи. Поверить, потому что у него не получалось лгать, хотя он, видимо, очень старался быть таким, каким его считают.

Она глубоко вдохнула.

— Завтра мы будем вместе стоять перед двором, — сказала она. — Я не знаю, что от меня потребуется. Но я хочу, чтобы вы знали: я не ваша пленница и не ваша вещь. Я пришла сама, чтобы спасти сестру. И если окажется, что вы — часть ловушки…

— Я часть, — просто сказал он.

Эли замерла.

Кайрен смотрел на неё без вызова, без усмешки. Просто с усталой, давно обдуманной ясностью.

— Я часть этой ловушки. Я не буду вас обманывать и скажу вам это сейчас, раз уж вы умеете слушать. Но я не хочу, чтобы вы пострадали. И не знаю, как это совместить.

Она молчала. Слова застряли где-то между горлом и грудью.

Потом, очень тихо, он добавил:

— Постарайтесь поспать, Эльвира.

Это было первое, что он назвал её по имени, и голос его при этом звучал так, будто он держал в руках что-то хрупкое. Или опасное.

Он повернулся и вышел.

Дверь закрылась без звука.

Эли постояла посреди комнаты. Потом подошла к кровати и села, глядя на закрытую дверь. Ноги не держали. Голова была пустой и звонкой. Она не знала, что думать. Что чувствовать. Кому верить.

Она легла, не раздеваясь, и накрылась шалью. Кольцо в кармане давило на бедро, как маленький холодный камешек, но она не стала его вынимать.

В окне цвели белые цветы. Где-то далеко, на другом берегу ночи, спала её сестра.

Эли закрыла глаза.

Она не слышала, как за дверью, в коридоре, по ту сторону запертой створки, остановились чьи-то тяжёлые шаги. Не

слышала, как человек, который не спал много лет, опустился на пол, прислонился спиной к двери и застыл, глядя в темноту.

Он остался там до самого рассвета.

Глава 6. Свадьба без любви

Утро в Зимнем дворе не наступило. Просто в какой-то момент белые цветы за окном повернули головки к невидимому солнцу, и Эли поняла, что пора вставать.

Она проспала часа три. Снов не было. Только ощущение тяжёлой тёплой стены за спиной, на которую можно опереться, хотя никакой стены в комнате не стояло.

Дверь открылась без стука.

Вошли три фэйри-девушки в серебристых платьях, с волосами, убранными в сложные косы, и с лицами, на которых не было ничего, кроме вежливого любопытства. Они несли платье. Эли увидела его и невольно отступила на шаг.

Оно было белым, как первый снег, и тонким, как паутина. Рукава спускались до пола, лиф был расшит серебром, и каждый стежок мерцал, будто в нём были спрятаны крошечные звёзды. Платье не принадлежало ни одной человеческой портнихе. Оно принадлежало сказке.

— Я надену своё, — сказала Эли.

Девушки переглянулись.

— Ваше, госпожа, — произнесла самая высокая, — слишком…

— Дорожное. Знаю. Но его я хотя бы понимаю.

Она ждала возражений, но фэйри лишь склонили головы и вышли. Минут через десять дверь отворилась снова, и во-

шла та же высокая девушка, неся другое платье. Простое, серо-голубое, с узким лифом и длинными рукавами. Без звёзд, без серебра. Даже без кружева.

Эли провела рукой по ткани. Шерсть. Мягкая, плотная, настоящая.

— Откуда?

— Лорд Аш-Дарот просил передать, что в вашем платье будет теплее, — сказала девушка. И, помедлив, добавила совсем другим тоном, тише: — Он велел сказать, что вы вольны выбирать.

Эли надела его.

К закату она вышла в зал, где всего за ночь успели возвести место для церемонии.

Это была не комната, не галерея. Это была поляна, вырезанная посреди дворца, с настоящей мягкой травой, с высоким деревом в центре, чьи ветви состояли из ледяных прожилок и светились тёплым золотом. Под деревом стоял каменный алтарь, а вокруг него, широким кольцом, толпились гости.

Фэйри пришли в лучших одеждах, в масках и без. Тысячи огоньков плавали над их головами, как светляки. Но были и другие. С левой стороны, отдельной, настороженной кучкой, стояли люди. Двадцать, может, тридцать человек: посланники, торговцы, пара седобородых старейшин. Жались друг к другу, как овцы на чужом лугу.

Эли заметила среди них пожилого мужчину в тёмно-крас-

ном плаще, с серебряной цепью на шее. Он смотрел на неё без улыбки, с каким-то холодным, оценивающим вниманием, и когда их глаза встретились, едва заметно кивнул.

Посол королевства. Тот самый, ради чьего мира, как ей объяснили, всё и затевалось.

Она выпрямила спину и пошла вперёд.

Кайрен ждал у алтаря.

Он был в чёрном. Простая куртка, застёгнутая до горла, высокие сапоги, никаких украшений, кроме тонкой серебряной цепочки у ворота. Волосы убраны назад. Шрам на подбородке в свете золотого дерева казался тоньше, почти неразличимым.

Он смотрел на неё, и Эли вдруг поняла, что он тоже не спал.

Не потому что дракон. Не потому что обязан. Просто потому, что есть ночи, которые невозможно проспать.

Эли остановилась рядом. Они не коснулись друг друга. Между ними оставалась ладонь воздуха, горячего с одной стороны и холодного с другой.

— Вы пришли, — сказал он почти беззвучно.

— Вы удивлены?

— Нет. — Пауза. — Рад.

Эли хотела ответить, но на возвышение у алтаря уже ступила Исольда.

Она была в тёмно-синем, почти чёрном, и на груди у неё, поверх тонкой цепочки, светился знакомый камень. Эли по-

казалось, что он стал ярче. Словно пил что-то из воздуха. Пил её дыхание.

— Народ мой, — произнесла королева, и голос её разошёлся по залу тихой волной, достигая каждого уха. — Гости из людского мира. Сегодня мы совершаем то, чего не было со времён Великой Тишины. Союз. Не силы, а доверия.

Эли почувствовала, как Кайрен рядом едва заметно напрягся.

— Лорд Кайрен Аш-Дарот, хранитель Граничных земель, — продолжила Исольда. — Эльвира Вейн, дочь Лианы. Вы пришли добровольно?

— Да, — ответил Кайрен.

— Да, — сказала Эли.

— Вы знаете условия?

— Знаю.

— Знаю.

— Тогда скажите это перед всеми. Каждый своими словами, ибо слова, сказанные вслух, нерушимы.

Эли знала, что будет дальше, но почему-то когда настал момент, горло перехватило. Сотни глаз смотрели на неё. Фэйри в масках. Люди с настороженными лицами. Пёс королевы, свернувшийся у подножия трона, поднял серебряные глаза и тоже смотрел.

Кайрен заговорил первым.

Он говорил негромко, но в зале стояла такая тишина, что каждое слово доходило до самых дальних рядов.

— Я, Кайрен Аш-Дарот, принимаю эту женщину в жёны на срок, названный в договоре. Я клянусь защищать её собственным телом, как защищаю границу. Клянусь не причинять ей вреда по своей воле. Клянусь, что любое слово, сказанное мной ей, будет правдой.

По залу прошёл шелест.

Эли знала, что значит последнее. *Любое слово*. Не всякий дракон мог бы поклясться в этом. И не всякий стал бы.

Он закончил и посмотрел на неё. Янтарный взгляд, спокойный, ничего не прося.

Эли сглотнула.

— Я, дочь Лианы Вейн, — произнесла она, тщательно выбирая каждое слово, — принимаю этого мужчину в мужья на срок, названный в договоре. Я клянусь исполнять условия договора, как они записаны. Клянусь не вредить ему. И клянусь, что когда придёт срок, я буду говорить с ним правду.

Она ожидала, что стоящий рядом дракон вздрогнет. Но он не вздрогнул. Только очень внимательно посмотрел на неё, как смотрят на человека, которого только что поняли.

Исольда чуть улыбнулась.

— Кольца.

Фэйри с подушечкой шагнул вперёд. На подушке лежали два кольца. Одно тонкое, серебряное. Другое чёрное, широкое, словно вырезанное из обсидиана.

Эли вдруг вспомнила: серебряное в её кармане. Уже было. А это второе…

— Это не то, что вы мне вручили вчера, ваше величество, — сказала она негромко.

— Ты свободна носить любое, — безмятежно ответила Исольда. — Они оба твои.

Эли глубоко вдохнула.

— Серебряное было мне подарено как защита, — сказала она. — Я пришла под защитой вашего слова. Оно надёжнее металла. А вот это… — она протянула руку к чёрному кольцу. — Это мне даёт мой муж. Это я приму.

Она услышала, как кто-то из фэйри тихо ахнул. Исольда не шелохнулась.

Кайрен молча взял чёрное кольцо с подушечки. Протянул ладонь. Эли подала руку. Его пальцы были горячими, шершавыми, осторожными, как у человека, привыкшего обращаться с хрупкими вещами. Кольцо скользнуло на палец. Было тяжёлым и тёплым. Живым.

Она взяла второе и надела ему. Руки у неё не дрожали.

И тогда, в тот самый миг, когда её пальцы коснулись его, что-то произошло.

Запястье вспыхнуло.

Не болью: светом. Тонкая золотистая линия прорезала кожу и побежала вверх по руке, вычерчивая узор: ветвь, снежинка, язык пламени, снова ветвь. Эли ахнула. Узор не гас. Он горел, как раскалённый металл, и вместе с ним в воздухе поплыл тонкий звенящий звук.

Кайрен резко втянул воздух.

У него тоже. На тыльной стороне ладони, там, где её пальцы касались его кожи, проступил точно такой же рисунок, только багровый. Огонь и лёд, сплетённые в одну нить.

Фэйри в зале замерли. Кто-то отступил на шаг. Кто-то поспешно опустил маску на лицо. А среди людей поднялся изумлённый гул.

И только королева стояла неподвижно, глядя на их соединённые руки. Камень на её груди вспыхнул тёмным, багровым огнём. Эли увидела, как на лице Исольды на миг, на долю мгновения, мелькнуло выражение, которого она там раньше не видела. Голод.

Потом оно исчезло.

— Союз скреплён, — произнесла королева ровно. Голос её не дрогнул, но Эли, стоящая в нескольких шагах, различила: он стал чуть ниже. — Печать признала вас. Вы муж и жена перед всеми народами.

Она подняла руки, и зал взорвался. Не радостью: гулом, шёпотом, звоном. Фэйри склоняли головы, люди смотрели с ужасом и надеждой.

Кайрен не отпускал её руки.

Эли подняла на него глаза. Он смотрел на неё странно: не с торжеством, не с испугом, а с чем-то таким, чему не было названия. Янтарные глаза потемнели.

— Вы не знали, что так будет, — прошептала она.

— Нет.

— А королева?

Он ничего не ответил.

По обычаю, они должны были скрепить союз поцелуем. Эли знала это, но когда настал миг, внутри всё сжалось. Она не двинулась. Он тоже.

Кайрен наклонился очень медленно, давая ей возможность отстраниться. Она не отстранилась. Его губы коснулись её лба, лёгко, почти невесомо, и тут же отстранились. Тёплое дыхание, запах дыма и хвои, сухость кожи. Сердце ударило в рёбра так громко, что она испугалась, как бы не услышали все.

На лбу осталась тонкая, горячая точка, как от прикосновения угля.

Потом были речи, поздравления, ритуальные поклоны. Эли помнила их смутно, как через воду. Посол в тёмно-красном плаще подошёл, склонил голову и сказал сухо, без тени тепла:

— Мои поздравления. Королевство вам обязано.

Она кивнула, не найдя, что ответить.

Когда суета наконец улеглась, а фэйри, смеясь и звеня, потянулись к пиршественным залам, Исольда подошла к ним сама. Она двигалась плавно, как всегда, но Эли казалось, что в этой плавности появилась хрупкость. Что-то в ней дало трещину.

— Вы удивили меня, дети мои, — сказала королева тихо, так, чтобы слышали только они. — Это бывает редко.

Кайрен молча склонил голову.

Исольда перевела взгляд на Эли.

— У тебя ещё есть вопрос, милая. Я помню. Он твой, пока ты не решишь им воспользоваться. — Она улыбнулась ласково, почти нежно. — Но помни: у каждого вопроса есть срок. И у каждого ответа тоже.

Она ушла, шурша платьем, и толпа расступилась перед ней.

Эли и Кайрен остались у алтаря вдвоём, среди пустеющего зала, над которым медленно гасли огоньки.

Она посмотрела на узор, всё ещё тлевший на запястье. Потом на его руку, на тот же багровый узор.

— Что это?

— Не здесь, — сказал он тихо. Голос был хриплым. — Расскажу в замке. Обещаю.

— Вы обещали говорить только правду.

— Да.

— Значит, расскажете всё.

— Всё, что смогу, — сказал Кайрен, и в этих словах прозвучало что-то новое, не прежняя горькая осторожность, а упрямство. — Остальное вы узнаете сами.

Эли посмотрела на чёрное кольцо на своём пальце. Оно было тёплым. Единственная тёплая вещь в этом холодном дворце, кроме человека, который его надел.

И, не желая себе в этом признаваться, она подумала: *Это не любовь. Это просто свадьба.*

Но запястье продолжало гореть, а лоб, там, где его косну-

лись губы, помнил прикосновение дольше, чем следовало.

Глава 7. Дорога в Граничные земли

Пир они пропустили.

Официально это объяснили так: хранитель границы не может оставлять свои земли надолго, а новобрачным позволено удалиться. Неофициально Эли видела, что Кайрен просто не хочет оставаться в одном зале с королевой ни минутой дольше, чем требует приличие. Он вывел её через боковую галерею, мимо шумящих фэйри, и они вышли на ту самую поляну с ледяными вратами, где вчера она впервые увидела Двор.

Сгущались сумерки. Серый лес стоял неподвижно, с белыми стволами, на которых проступали письмена. Тишина лежала такая, что слышно было, как под сапогами ломаются тонкие льдинки.

— Вам придётся пройти пешком до реки, — сказал Кайрен. — Дальше нужно будет лететь. Я бы не стал просить, но у меня нет другого способа доставить вас домой за разумное время.

Эли остановилась.

— Лететь?

— На мне.

Она посмотрела на него. На высокого, сдержанного мужчину в чёрной куртке, с шрамом на подбородке и с чёрным кольцом на пальце, таким же, как у неё. Она знала, что он

дракон. Знала с той минуты, как увидела тень над рекой. Но одно дело знать, и совсем другое представить себе это.

— Если вы откажетесь, я не обижусь, — добавил он ровно. — Дорога займёт два дня верхом.

— Нет, — сказала Эли. — Я не отказываюсь. Просто… мне нужно минуту.

Он кивнул и отошёл на несколько шагов. Эли услышала, как он выдохнул, будто готовился нырнуть в холодную воду.

Потом воздух дрогнул.

Не было ни вспышки, ни грома. Просто там, где стоял человек, стало темно и жарко, и тень выросла, раздалась, потянулась вверх и в стороны, как будто ночь вдруг решила обрести форму. Земля вздрогнула. Эли отступила на шаг, потом ещё на один, и только тогда заметила, что не может отвести глаз.

Он был огромным.

Грудь, шея, длинный хвост, крылья, сложенные вдоль спины, широкие, как паруса. Чешуя тёмная, почти чёрная, цвета остывшего угля, но на каждом изгибе, там, где падал свет, вспыхивали тонкие золотистые линии, будто под чёрной коркой всё ещё тлел огонь. Голова опустилась к ней, и Эли увидела глаза. Те же самые. Янтарные, огромные, с вертикальным зрачком.

— Не бойтесь, — раздался низкий голос, и она не сразу поняла, что он звучит не снаружи, а где-то в груди, гулкой дрожью, как удар далёкого колокола.

Эли сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Протянула руку и коснулась его морды.

Чешуя была тёплой. Не горячей, как она ожидала, а ровно настолько, чтобы хотелось задержать ладонь.

Запястье вспыхнуло, и узор откликнулся на тепло, побежал золотом по коже. Дракон тихо выдохнул, и от его дыхания у Эли зашевелились волосы.

— Держитесь за шип у основания шеи, — сказал он. — Он не колется. Ноги прижмите к плечам. Если станет страшно, скажите, я снижусь.

— А если мне не будет страшно?

Эли показалось, что он улыбнулся. Хотя драконы, наверное, не улыбаются.

— Тогда держитесь крепче.

Она взобралась на него с третьей попытки, неловко, путаясь в юбке, и когда наконец устроилась между широкими лопатками, сердце колотилось так, что она боялась: услышит и он.

Он расправил крылья.

Земля ушла из-под него одним толчком. Эли вскрикнула, вцепилась в шип обеими руками, прижалась грудью к тёплой чешуе, зажмурилась. Ветер ударил в лицо, вырвал дыхание. Желудок упал куда-то вниз, и она на секунду пожалела обо всём.

Потом открыла глаза.

Под ними лежал Серый лес. Весь, целиком, как серебри-

стая шкура гигантского зверя, залитая сумеречным светом. Белые стволы тянулись во все стороны до самого горизонта, а между ними, как ленты, вились тропинки, мерцающие мягким голубым светом. Далеко внизу виднелись ледяные врата, и башни дворца, и мосты, сотканные из инея, и огоньки, плывущие над ними, как рой светляков.

Из груди вырвался смех. Короткий, растерянный, совсем детский.

— Это красиво, — сказала она. — Это *очень* красиво.

— Да, — отозвался он. Голос его в груди звучал тише, мягче, чем прежде. — Я много лет не показывал этого никому.

Она не ответила. Просто смотрела вниз, пока лес не кончился, а за ним не блеснула лента реки. Граничной, серебристой, с остатками старого моста, и по ту сторону уже темнели знакомые поля, огороды, чьи-то погасшие окна. Ветер здесь пах дымом и мокрой землёй.

Пахло домом.

— Вы можете сказать, что это за узор? — спросила Эли, перекрикивая свист ветра. — Вы обещали.

Кайрен помедлил, пока они не пересекли реку и не пошли над лугами.

— То, что я знаю, я скажу, — произнёс он. — Это печать. Очень древняя. Старше Двора, старше людей. Она называется Печать двух начал. В хрониках сказано, что на заре мира, когда ещё не было ни фэйри, ни драконов, ни людей, суще-

ствовали Огонь и Лёд. Они были врагами. А потом заключили договор, и из этого договора родилась граница, место, где два мира могут стоять рядом и не уничтожить друг друга.

— И печать…

— Это сам договор. Живой. Он передаётся через тех, кого называли хранителями. Одна линия несёт Лёд, другая Огонь. Когда они встречаются, печать пробуждается. — Пауза. — Последний раз это случилось пятьсот лет назад.

Эли молчала.

— Я не знал, что вы носите Лёд, — сказал он негромко. — Королева знала. Я думаю, знала с самого начала. Но я не знал и не знаю, зачем ей это нужно.

Это было правдой: она ощутила это по тому, как дрогнуло его дыхание, и по тому, как глубоко в груди у него прозвучала усталость.

— Я думала, она хочет мою кровь, — сказала Эли.

— Возможно.

— Но теперь печать признала нас обоих. Значит, теперь я…

— Не знаю, — повторил он тихо. — Простите. Я хотел бы знать больше.

Она положила ладонь ему на шею, туда, где чешуя мягко светилась золотом.

— Я верю, что вы бы сказали.

Он ничего не ответил. Но крылья, ровно и сильно, чуть ускорили ход.

Над Тихим Бродом они снижались медленно.

Эли узнала деревню по очертаниям: изгиб реки, кособокая мельница, огороды, тёмный лес на краю. Её дом стоял на отшибе, маленький, с покосившейся трубой, и в окне, как она и ожидала, горел слабый огонёк. Тамара не ложилась.

Кайрен приземлился на дальнем лугу, там, где трава была высокой, и опустил крыло так, чтобы Эли могла спуститься. Когда её ноги коснулись земли, колени задрожали. Она едва устояла.

Потом воздух рядом снова дрогнул, и перед ней стоял человек. Чуть бледнее, чем раньше, с испариной на лбу, как после тяжёлой работы, но стоял прямо.

— Идите, — сказал он. — Я подожду здесь.

— Вы не хотите…

— Я не войду без вашего приглашения, — напомнил он, и это прозвучало серьёзнее, чем она ожидала. — Идите.

Эли побежала.

Дверь была не заперта. Она толкнула её плечом и влетела в сени, на ходу сбрасывая шаль, и в комнате, при свете единственной свечи, увидела Тамару, дремавшую на стуле у кровати.

А на кровати лежала Мира.

Эли остановилась у порога. Она вдруг не смогла сделать ни шага.

Сестра спала. Спала по-настоящему: лёжа на боку, подложив ладонь под щёку, как в детстве. Лицо было розовым,

ресницы подрагивали, губы чуть приоткрыты. Грудь поднималась и опускалась ровно, глубоко, жизненно. На запястье не было ни тени. Ни одной серой полоски.

Эли подошла и опустилась на колени у кровати. Коснулась щеки сестры кончиками пальцев. Тёплая.

— Мира, — прошептала она. — Мирочка.

Мира нахмурилась во сне, чмокнула губами, пробормотала что-то неразборчивое. Потом приоткрыла один глаз.

— Эли? — сонно, хрипло. — Ты чего… в платье?

Эли засмеялась и заплакала одновременно. Она ничего не могла с этим поделать.

— Спи, — выдохнула она. — Спи, родная. Всё хорошо.

— Я есть хочу, — пробормотала Мира, закрывая глаз. — Каши.

— Будет каша. Утром.

— А ты… ты не уходи.

Эли помолчала.

— Я ненадолго, — сказала она наконец. — Мне нужно кое-что сделать. Но я вернусь. Честное слово.

Мира снова уснула, зажав в кулаке край её рукава.

Эли высвободила ткань осторожно, по одному пальчику. Потом разбудила Тамару, шепотом объяснила то, что можно было объяснить. Что Мира будет здорова. Что не надо ничего спрашивать. Что она, Эли, вернётся.

Тамара смотрела на неё, широко открыв глаза. Потом перевела взгляд на запястье, на узор, мерцающий в полутьме,

и перекрестилась.

— Эльвира, милая… кто он?

— Муж, — сказала Эли. И сама удивилась, как странно это прозвучало. — На год и день.

Тамара прижала ладонь ко рту.

— Не бойся, — добавила Эли и поцеловала её в щёку. — Он не обидит.

Она не знала, откуда взялась эта уверенность.

Когда она вышла, на лугу всё ещё стоял он, в серебристом предрассветном тумане, с руками, заложенными за спину. Он не обернулся, когда она подошла, но Эли поняла: слышал каждый шаг.

— Спасибо, — сказала она.

Он покачал головой.

— Не за что. Вы сами всё сделали.

— Вы могли остаться во дворце. Могли не лететь.

— Мог.

Она посмотрела на него. Потом сказала тихо, как говорят то, о чём потом пожалеешь:

— Вы можете называть меня Эли. Так зовёт сестра.

Кайрен долго молчал. Потом кивнул.

— Хорошо… Эли.

Это было совсем не то, что она ожидала. Простое слово, обычное имя, а внутри что-то отозвалось тихо и тепло, как дальний колокол.

Он снова обернулся драконом, и Эли взобралась ему на

спину. Они взлетели, когда восток уже светлел.

Граничные земли открылись внезапно.

Сначала были только поля, потом холмы, потом выжженная земля, чёрная, потрескавшаяся, с островками седой травы. Потом скалы. И наконец, на самом краю обрыва, над излучиной реки, поднялся замок.

Аш-Дарот.

Он не был красивым. Он был огромным, тёмным, вырубленным из цельной скалы, с угловатыми башнями и узкими окнами, похожими на щели. Стены его казались продолжением обрыва, будто камень вырос из земли сам, а люди только пришли и поселились внутри. На самой высокой башне пылал тот самый огонь, который Эли видела с другого берега.

Он приземлился во дворе, подняв клубы пыли. Эли спустилась, чувствуя, как подгибаются ноги.

Двор был пуст и тих, как будто здесь давно никто не жил. Серые плиты, пересохший фонтан, лестница, ведущая к высоким дверям. На створках, чёрных, окованных железом, был вырезан знак.

Эли подошла ближе.

Снежинка, ветвь, язык пламени. Тот самый узор, что горел на её запястье.

Она медленно обернулась. Кайрен снова стоял человеком, и он смотрел не на неё, а на двери. В лице его что-то изменилось. Усталость, острая, давняя.

— Он был здесь всегда, — сказал он хрипло. — Все эти пятьсот лет. Каждый хранитель Аш-Дарота входит под ним. Я думал, это просто знак.

Двери дрогнули, будто услышав его. Раздался долгий, глубокий скрип, и створки начали медленно открываться, сами, без чьей-либо руки.

За ними, в густом полумраке, мерцал свет.

— Добро пожаловать, — произнёс Кайрен тихо. — Домой.

Эли сжала пальцы на краю шали.

Это не мой дом, подумала она.

Но ноги уже несли её вперёд.

Глава 8. Замок Аш-Дарот: первая ночь

Внутри замок оказался холоднее, чем снаружи.

Зал, в который вошла Эли, был огромным и совершенно пустым. Высокие своды терялись в темноте, вдоль стен тянулись пустые подставки для факелов, на каменном полу лежала пыль, нетронутая, толстая, как зимний снег. По углам стояли сундуки, укрытые холстом. С потолка свисала паутина, и в ней, как в тонкой серебряной сети, дрожали отблески света.

А потом свет стал ярче.

Они зажигались сами. Один за другим вдоль стен вспыхивали факелы, и по залу побежало тёплое золотое сияние, вырисовывая арки, колонны, широкую лестницу, уходящую на второй этаж. Эли почувствовала, как под ногами едва заметно дрогнул пол. Не от страха: от чего-то другого. Как будто огромный зверь, много лет спавший в темноте, лениво приоткрыл один глаз.

— Он вас узнал, — сказал Кайрен тихо, останавливаясь на пороге. — Замок. Он не зажигал огня, когда я входил в последние десятилетия.

— Десятилетия?

— Я не любил жечь свет без нужды. — Он пожал плечами. — Дракону хватает собственного тепла.

Эли оглядела пустой зал, холодные стены, пыль на лестнице. Попыталась представить себе человека, который жил здесь один тридцать, сорок, может, пятьдесят лет, и не смогла.

— У вас нет слуг?

— Есть. Двое. — Он помедлил. — Они стары и привыкли, что я не требую ничего. Я не знал, что нужно приготовить.

— Вы знали про свадьбу два дня.

— Я знал о ней всю жизнь, — сказал он неожиданно, и Эли застыла. Но он тут же поправился, глядя в сторону: — Я знал, что рано или поздно потребуется хозяйка. Так сказано в договоре королевы. Но не думал, что это случится так скоро.

Она могла бы спросить. Слова уже поднялись к горлу. Но от лестницы послышалось негромкое покашливание, и она обернулась.

По ступеням спускалась женщина. Невысокая, плотная, лет шестидесяти, в тёмном шерстяном платье с белым передником, с седыми волосами, убранными под чепец. Лицо у неё было круглое, румяное, с глубокими морщинами у глаз и с таким выражением, какое бывает у людей, повидавших слишком многое, чтобы чему-то удивляться.

Она остановилась перед ними, окинула взглядом Эли, потом Кайрена, потом снова Эли. Скрестила руки на груди.

— Значит, правда, — произнесла она сухо.

— Берта, — начал Кайрен.

— Не «Берта», милорд. — Старуха ткнула в его сторону пальцем. — Два дня назад вы спускаетесь ко мне и говорите: «Берта, меня женят». И уходите. Две ночи я не сплю, жду, чтобы узнать, что за зверь меня ожидает. А тут… — Она ещё раз посмотрела на Эли. — А тут ребёнок. В мокром платье. С ногами как у птицы.

Эли опустила глаза. Правда, подол был мокрым от росы, а сапоги заляпаны грязью по щиколотку.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я Эли.

— Берта Мол. Экономка. — Старуха шмыгнула носом. — Я здесь с тех пор, как этот вот, — она кивнула на Кайрена, — был такого роста. Сейчас вам баню, потом еду, потом постель. Остальное завтра. А вы, милорд, идите куда-нибудь. Вы тут лишний.

Кайрен открыл рот. Закрыл. Потом, к полному изумлению Эли, молча развернулся и вышел, и уголок его губ дрогнул.

— Он вас слушается? — спросила Эли.

— Не слушается, а терпит. — Берта фыркнула. — Идёмте, милая. Только пыль не трогайте, я потом уберу. Нету сил смотреть на этот срам.

Баня оказалась в дальнем крыле замка, и воду для неё грел сам замок: так объяснила Берта, ворча, что стена, к которой примыкал очаг, всегда была тёплой, стоит только попросить. Эли сначала не поверила. Потом положила ладонь на каменную кладку, ощутила под пальцами ровное, мерное тепло, и

тихо сказала: «Пожалуйста». Через минуту в чане зашумела вода.

Она мылась долго. Смывала с себя Зимний двор, запах льда и яблоневого цвета, пыль дороги, слёзы, которые так и не выплакала. Когда она вышла, закутанная в чистую простыню, на скамье лежала сухая рубашка из грубого льна и тёплый вязаный платок. Не принадлежавшие ей и совсем незнакомые. Но пахли они мылом и сушёной лавандой, и это было самым домашним запахом за последние сутки.

Потом была еда.

Эли сидела за длинным дубовым столом на кухне, которая оказалась единственным по-настоящему жилым местом в замке: с тёплым очагом, связками трав под потолком, чугунными котлами и огромной печью. Перед ней стояла миска мясной похлёбки с ржаным хлебом, и она ела так, как не ела никогда в жизни. Торопливо, жадно, обжигая язык.

Берта наблюдала за ней, подперев щёку ладонью.

— Ешьте, ешьте, — приговаривала она. — Я вам ещё положу. Вы ж вся прозрачная.

— Я не ела со вчерашнего утра.

— Со вчерашнего! Да вы хуже, чем он. Тот хоть раз в три дня жуёт.

Дверь кухни открылась, и вошёл Кайрен. Берта нахмурилась, но промолчала. Он сел напротив Эли, на самый край скамьи, и положил на стол руки. Чёрное кольцо блеснуло в свете очага.

— Я хотел сказать, — начал он и запнулся.

— Вы хотели посмотреть, ем ли я.

— Я хотел посмотреть, всё ли в порядке.

— Всё в порядке.

Он кивнул. Помолчал. Берта шумно вздохнула и, схватив тряпку, демонстративно вышла в кладовую. Дверь за ней закрылась с таким стуком, что задребезжали кастрюли.

Эли отложила ложку.

— Она любит вас.

— Она считает меня безнадёжным.

— Одно другому не мешает.

Уголок его рта дрогнул снова. Потом лицо стало серьёзнее.

— Эли. Я хочу сказать вам несколько вещей, пока вы ещё не легли. Потому что завтра будет не до этого.

Она выпрямилась.

— Во-первых, ваши покои на втором этаже, в западной башне. Мои на третьем, в противоположной стороне. Дверь запирается изнутри, ключ у вас. Во-вторых, замок будет вас слушаться. Не знаю почему, но он вас принял. Если вам что-то понадобится, просто скажите вслух. Он услышит. И в-третьих… — Он на мгновение закрыл глаза. — Я должен предупредить вас насчёт королевы. Она знает всё, что происходит в моих землях. Но не всё, что происходит в этих стенах. Здесь её сила слабее.

— Почему?

— Потому что замок старше её двора. — Он улыбнулся впервые по-настоящему, коротко и устало. — Он помнит, как всё начиналось. Он не любит чужих.

Эли смотрела на него. На человека, который четвёртый день подряд не спал. На руку, лежащую на столе. На маленький белый шрам. Она понимала: он говорит ей это не потому, что обязан. Потому что хочет, чтобы она была в безопасности.

И ещё она понимала: этого она не ожидала. Не ожидала, что тот, кто называл себя частью ловушки, станет первым, кто попытается её защитить.

— Хорошо, — сказала она. — Я запомню.

Он кивнул, поднялся и ушёл так же тихо, как вошёл.

Комната, которую ей отвели, была круглой, на втором этаже западной башни. Узкая кровать, каменный камин с живым огнём, стол у окна, книжные полки, пустые, но покрытые чистой тряпицей, будто кто-то только что вытер с них пыль. Окно выходило на реку. В нём виднелась тёмная лента воды и, на другом берегу, бледной полосой, Серый лес.

Эли подошла к кровати и села. Сняла платок. Распустила волосы. Было тихо. Только огонь потрескивал в камине, да где-то глубоко внизу замок вздыхал тяжело, медленно, как спящий.

Она не хотела спать. Просто сидела, глядя на огонь, и вспоминала. Руки Кайрена, надевающие кольцо. Шёпот сестры. Лицо Исольды в тот миг, когда печать вспыхнула. *Голод*.

Потом вспомнила про карман.

Она достала серебряное кольцо и положила на ладонь. Оно лежало холодным, почти ледяным, и в свете камина узор на нём казался не чешуёй, а мелкой тонкой рябью, как на воде.

Оно защитит. От всех, кроме тех, кто его дал.

Эли хотела выбросить его в окно. Но потом подумала: нет. Лучше знать, где оно лежит.

На каминной полке стояла небольшая железная шкатулка, пустая, с тяжёлой крышкой. Эли положила кольцо внутрь, закрыла, повернула ключ. Потом, подумав, обвела шкатулку ладонью и прошептала в пустоту:

— Пусть оно останется здесь.

Замок едва слышно скрипнул. Показалось ли ей, что стены шевельнулись, словно кивнули?

Она легла. Накрылась одеялом. Закрыла глаза.

И тогда услышала.

Сначала просто шорох. Лёгкий, как дыхание. Потом слово, шёпотом, мягким, ласковым, до боли знакомым:

Эльвира.

Она открыла глаза.

Комната была пуста. Огонь горел ровно. Но голос шёл с каминной полки, из железной шкатулки, глухо, как из-под воды.

Милая моя, ты ведь не думала, что запрёшь меня в ящике?

Эли села, не дыша.

Я слышу тебя. Всегда слышу. Мы же заключили договор. Я хочу только одного, дитя. Помочь. Голос Исольды звучал нежно, почти с грустью. *Спроси своего мужа о клятве. Спроси, что он пообещал мне много лет назад. Он ответит. Он не умеет лгать. Ты же помнишь: он поклялся перед всеми.*

Эли сжала кулаки.

Это было ловко. Она поняла это сразу, холодно и ясно, как бывает ясна мысль в разгар болезни. Королева не просила её отдать что-нибудь. Не требовала, не угрожала. Она просто предлагала ей использовать единственное оружие, которое у Эли было: честность человека, который не может солгать. И сама же оставалась в стороне.

Спроси, повторил голос. *Я не лгу, милая. Ты знаешь.*

Эли подошла к камину. Взяла шкатулку, не открывая, и вынесла на лестничную площадку. Там, у самой стены, в нише, стоял старый железный сундук с тяжёлой крышкой. Она положила шкатулку внутрь, придавила крышку и заперла на засов.

Голос стих. Совсем.

Эли вернулась в комнату и закрыла дверь. Повернула ключ. Потом прислонилась лбом к тёплому дереву и тихо выдохнула.

— Нет, — сказала она вслух. — Не так. Если я о чём-то спрошу его, то когда сама решу. И не по вашему слову.

Замок вздохнул. Тепло от стен стало чуть ощутимее, буд-

то он обнял её, как умел.

Она легла снова. Но сон не шёл. Она смотрела на потолок и слушала, как внизу, глубоко, под камнем, под фундаментом, в самой толще скалы, медленно бьётся что-то огромное. Не сердце, не огонь. Что-то старше.

И там, на третьем этаже, в противоположной башне, не спал человек, который не мог сказать ей всей правды.

Первая ночь в Аш-Дароте заканчивалась. Договор начинался.

Глава 9. Ночь у двери

Кайрен

Я не люблю ночь в собственном замке.

Днём Аш-Дарот притворяется камнем: стены, лестницы, сквозняки. А когда темнеет, он начинает дышать. Я слышу это с тех пор, как себя помню. Тяжёлый, медленный вдох где-то в глубине скалы и такой же выдох. Отец говорил, что замок спит. Я думаю, он просто ждёт. Как все мы.

В ту ночь он не спал вовсе.

Я лежал на кровати в своей башне, одетый, с открытыми глазами, и слушал, как он ходит. Не шаги: движение. Что-то сдвигалось в стенах, вздыхало в трубах, трогало двери. Впервые за сорок лет он зажёг огни в парадном зале, и я до сих пор не понимал, почему. Берта сказала бы, что он рад гостье. Я не умею так думать. Я думаю: он предупреждает.

О чём?

Потому что она вошла в мой дом, и он её узнал.

Это было худшее. Хуже королевы, хуже клятвы, хуже стыда. Замок узнал её, как узнают хозяйку. А я привёл её сюда, как приводят овцу.

Я встал.

Не помню, как спустился. Просто оказался на лестничной площадке второго этажа, перед низкой дверью, из-под которой не пробивался свет. Остановился. Прислушался. За две-

рью было тихо. Она, наверное, спала. Или лежала с открытыми глазами, как я. Нас таких много.

Я мог бы уйти. Должен был. Я дал слово: никогда не входить без приглашения, а раз уж не входить, то и не стоять под дверью, как вор.

Но я сел.

Прямо на каменный пол, спиной к стене, в трёх шагах от двери. Так, чтобы не слышать дыхания. Так, чтобы слышать, если она позовёт.

Она не позвала.

Сначала я думал о ней. Не нарочно. Просто она стояла перед глазами, как стоит пятно после слишком яркого света. Худая, прямая, в мокром платье, с растрёпанной косой. Ела жадно, не стесняясь, и ни разу не оглянулась, не поблагодарила, не спросила, как зовут повара. Девчонка из деревни, которая за вечер прочла и подписала договор, о котором сам я не смел заговорить, и не дрогнула.

Нет. Дрогнула. Я видел, как дрожали у неё пальцы, когда она перекладывала ложку из одной руки в другую. Просто она не позволила этому дойти до лица.

Я знаю, как это делается. Я сам так живу.

Потом я думал о том, о чём думать нельзя.

У меня на ладони правой руки есть линия. Тонкая, тёмная, будто кто-то провёл по коже пером, обмакнутым в чернила. Её нет, пока я не пытаюсь заговорить о клятве. Но стоит мне подумать слово «печать», или «Двор», или «она» ря-

дом с тем, чем эти слова стали, и линия просыпается. Сначала зуд. Потом тепло. Потом жжение, как от раскалённой иглы, медленно, неспешно входящей под кожу.

Я научился терпеть. Сто десять лет практики.

Сидя под её дверью, я попробовал в первый раз за много лет не терпеть, а смотреть. Закрыл глаза и сказал себе внутри, не вслух: *Она не знает.* Просто эти два слова. Без имён, без обстоятельств.

Линия вспыхнула мгновенно.

Я вдохнул сквозь зубы. Ладонь горела, как будто в неё вложили уголь. На секунду в глазах потемнело. Я сжал кулак, потом разжал. Сосчитал до десяти. Потом ещё раз.

Вот как это работает. Не запрет, не стена. Просто боль. Такая, что мысль о том, чтобы заговорить, превращается в мысль о том, чтобы жить дальше.

Я откинул голову к стене и посмотрел в потолок.

Мне было девять, подумал я. *Не вслух.*

Линия не шелохнулась. Видимо, это уже не касалось клятвы.

Мне было девять. Ранним утром я проснулся в Серебрянке, на печке, и дом был слишком тихим. Не как бывает, когда все спят. Как бывает, когда никого нет. Я слез, обулся и пошёл по комнатам. Мать сидела у очага, с чашкой в руках, и смотрела в огонь. Я окликнул её. Она не повернулась. Я потряс за плечо. Рука у неё была холодной, а пальцы, обхватившие чашку, не разжались, когда я потянул.

Я помню запах: остывший чай с мятой.

Она проспала восемь лет. Я приходил к ней каждый день и, наверное, к четвёртому году перестал надеяться. Потому что надеяться на то, что не приходит, это пытка, а жить без надежды можно, к этому привыкаешь. Но тогда, в семнадцать, когда пришла королева и села рядом со мной на край постели и сказала: «Я могу её разбудить», надежда вернулась. Сразу, целиком, как нож.

Я мог бы подумать. Мог бы спросить, что за цена. Мог бы потребовать срок, условия, залог.

Я сказал: «Да».

Это было самое честное, что я сделал в жизни, и самое глупое.

Мать проснулась в тот же день. Медленно. Сначала пальцы, потом ресницы, потом голос. «Кайрен?» сказала она хрипло, и в этом слове не было ничего, кроме удивления. Как будто она отлучилась на минуту. А я стоял на коленях у постели и плакал, как девятилетний.

И целых двадцать три года был счастлив. Я не вру. Эти годы я бы не променял ни на какие. Она научила меня варить кашу и не обжигаться. Показала, как держать нож. Заставила выучить имена всех деревьев в нашем лесу. И никогда, ни разу, не спросила, что я отдал за её пробуждение.

Иногда я думаю, что она знала.

В замке что-то скрипнуло. Я открыл глаза.

За поворотом лестницы, на нижней площадке, стоял ста-

рый железный сундук. Я не сразу сообразил, откуда знаю про него. Потом вспомнил: Берта вчера ворчала, что Эли вынесла какую-то шкатулку из спальни и заперла в сундуке на засов, и теперь не пройти. Я не спросил, что в ней. Но теперь, сидя в темноте, я чувствовал.

Тепло.

Не моё. Чужое. Холодное тепло, как у льда, который вынесли из подвала в жаркий день. Оно просачивалось сквозь железо тонкой струйкой, и в воздухе пахло снегом и яблоневым цветом.

Я встал и тихо спустился на один пролёт.

Сундук стоял в нише у стены. Крышка заперта на засов, но между досками и железом пробивалась едва заметная голубоватая нить света. Пульсировала, как жилка на виске.

И голос.

Дитя моё.

Я замер.

Это было не слово, а скорее дыхание слова. Тихое, ласковое, обволакивающее, как тёплое молоко. Я знал этот голос. Узнал бы из тысячи. Он сидел во мне с тех пор, как мне было семнадцать.

Ты слышишь меня. Как хорошо. Я так давно не звала тебя по-настоящему.

Я ничего не ответил. Положил ладонь на крышку.

Она не спросит, милый. Ты уже понял? Воспитанная девочка. Мать научила. Она будет ждать, пока не станет

поздно. А потом удивится, почему никто не сказал.

Линия на ладони вспыхнула так сильно, что я стиснул зубы. По руке прошла судорога. Но я не убрал руку.

Помоги ей. Расскажи, пока она ещё слушает.

Знаете, что самое страшное? Не угроза. Это. Забота. Она говорила со мной так, будто искренне хотела добра, и в этом не было лжи. Она действительно хотела, чтобы я рассказал. Потому что тогда Эли пришла бы к ней по доброй воле. Потому что тогда клятва была бы исполнена без принуждения.

И я понял в эту минуту, что всё, что я могу, это не сказать.

Не потому, что не хочу. Потому что любое слово, произнесённое мной, будет частью её плана.

Я закрыл глаза. Я почувствовал, как в кончиках пальцев собирается жар. Не от клятвы. Свой. Тот огонь, что горел во мне с рождения, тяжёлый, красный, неспящий. Я позволил ему течь. Медленно, осторожно, в железо, в засов, в крышку сундука.

Металл нагрелся. Сначала тепло, потом жар. Голубая нить на стыке доски начала тускнеть. Голос дрогнул.

Кайрен…

Я не слушал. Давил жар глубже, пока по железу не побежала красная линия, а запах яблоневого цвета не сменился запахом горелого дерева.

Ты не можешь…

Могу. Я хранитель Аш-Дарота. Это мой дом. Здесь ты слаба.

Голос стих. Голубая нить погасла. Только шкатулка внутри, я чувствовал, оставалась целой: я не жёг её. Просто закрыл. Как закрывают дверь перед сквозняком.

Я опустил руку.

На ладони остался красный след от железа, а поверх него, глубже, тонкая чёрная линия клятвы, пульсирующая, как свежая рана.

Я постоял, пока дыхание не выровнялось. Потом выпрямился и посмотрел вверх, в темноту под сводом лестницы.

— Слушай, — сказал я вслух. Не знаю, кому: замку, себе, пустоте. — Она моя гостья. Если с ней что-то случится в этих стенах, я не прощу тебя. Если она захочет уйти, откроешь все двери. Если ей будет страшно, зажжёшь свет. Слышишь?

Камень ответил долгим, глубоким скрипом, похожим на согласие.

Я усмехнулся. Вот так, стою в одной рубашке посреди ночи и разговариваю с собственным домом. Берта бы сказала, что я окончательно рехнулся.

Я вернулся к её двери и снова сел. На этот раз ближе, в двух шагах. Не знаю зачем. Просто так мне было спокойнее.

И тогда услышал.

За дверью, очень тихо, почти шёпотом, как человек, который не хочет, чтобы его слышали даже собственные мысли:

— Нет. Не так. Если я о чём-то спрошу его, то когда сама решу. И не по вашему слову.

Я перестал дышать.

Она не знала, что я слышу. Она говорила не мне. Она говорила кому-то другому, с кем разговаривала через стену, через железо, через два этажа камня. И ответ её был таким спокойным и твёрдым, что у меня по спине прошёл холод.

Она услышала голос королевы. Тоже. И отказалась.

Я сидел, глядя в темноту, и не мог пошевелиться. Что-то странное происходило в груди. Не боль и не жжение, нет. Что-то другое. Большое, тёплое, пугающее. Такое, что хотелось одновременно смеяться и плакать.

Она не спросит. Не потому что воспитана. Потому что не хочет, чтобы её заставляли.

Если я о чём-то спрошу его, то когда сама решу.

Она дала мне время. Не зная об этом. Вот так просто, одной фразой, брошенной в пустоту.

Я закрыл лицо руками.

Линия на ладони вспыхнула в последний раз и, будто смирившись, медленно погасла. Не исчезла: притихла, свернулась, как зверь, которому дали еды. Я не знал, надолго ли.

Но в ту ночь я понял кое-что очень важное.

Я не смогу сказать ей правду. Клятва не позволит. Но я могу делать другое. Каждый день, каждый час, каждым поступком показывать ей: вот кто я. Вот что я могу. Вот что я не сделаю. Может, этого будет достаточно. Может, когда придёт время, когда я всё-таки найду лазейку, она поймёт, что я не просто тот, кто её привёл.

Глупая надежда. Как у семнадцатилетнего.

Я просидел у двери до рассвета.

Не спал. Просто сидел, слушая, как замок дышит, и думал о том, как мало времени мне осталось и как много я должен успеть.

Окна лестницы побелели. Где-то внизу хлопнула дверь, и по каменным ступеням поднялись тяжёлые шаги. Я не поднял голову.

Берта остановилась на нижней площадке. Я слышал, как она смотрит на меня. Долго, молча, как смотрят на нерадивого ребёнка, которого застали за глупостью, но ругать жалко.

Потом она поднялась на три ступеньки, сняла с плеч шерстяной платок и накинула мне на плечи. Подоткнула края, как делала, когда мне было пять.

— Дурак, — сказала она тихо. Без злости. — Какой же ты дурак.

Я хотел ответить, что знаю. Но она уже спускалась вниз, ворча что-то про овсянку и про людей, которые не умеют просто попросить.

Я остался сидеть, кутаясь в платок, пахнущий лавандой и мукой, и впервые за много лет почувствовал, что мне не одиноко.

Часть вторая. Лёд и огонь

Глава 10. Хозяйка замка

Эли проснулась от запаха хлеба.

Несколько секунд она лежала, не понимая, где находится. Потолок был незнакомым, каменным, с тёмными балками. Сквозь узкое окно сочился бледный утренний свет. Где-то внизу гремела посуда, кто-то ворчал, и от этого шума, самого обыденного на свете, у Эли защипало в носу.

Потом она вспомнила всё сразу.

Она села. Запястье, как и вчера, украшал тонкий золотой узор, но теперь он не светился, а лежал на коже спокойно, будто всегда там был. Чёрное кольцо на пальце было тёплым. На каминной полке пусто. Шкатулка стояла в сундуке на лестничной площадке, под тяжёлым засовом.

Она не стала проверять, говорит ли она до сих пор.

На кухне её встретили Берта, огромная миска каши с мёдом и невысокий сгорбленный старик в соломенной шляпе, который сидел у печи и молча чистил морковь. Увидев Эли, он поднялся, снял шляпу, поклонился очень низко и снова сел, так и не сказав ни слова.

— Йорн, — пояснила Берта. — Садовник и конюх. Заодно все остальные должности. Не обращайте внимания, он не

разговаривает. С тех пор как жена умерла.

— Давно?

— Тридцать один год.

Эли кивнула, села за стол и взяла ложку. Йорн покосился на неё из-под седых бровей. Потом, не меняя выражения лица, пододвинул к ней горшочек с маслом.

Это было, как поняла Эли, высшим знаком расположения.

— Где Кайрен? — спросила она, когда каша закончилась.

— Лорд Аш-Дарот на обходе, — ответила Берта. — Границу объезжает на рассвете. Каждый день. Вернётся к обеду.

— Он не сказал, когда?

— Он вообще мало что говорит, милая. — Берта вздохнула. — Но вам оставил.

Она достала из кармана передника сложенный вдвое листок. Эли развернула.

Почерк был твёрдый, угловатый, без завитков, как будто писал человек, привыкший выводить слова ножом, а не пером.

Замок в вашем распоряжении. Ключи у Берты. Библиотека на третьем этаже, северное крыло; двери не заперты. Если что-то понадобится, скажите вслух. Не ходите в восточную башню без меня: не потому что опасно, а потому что там пока нечего показывать. К.

Эли перечитала дважды. Потом сложила листок и убрала в карман.

— Что в восточной башне?

— Его покои. — Берта пожала плечами. — Вернее, то, что от них осталось. Лет сорок там никто не жил. Но он спит там иногда, если не может уснуть в своей комнате. Спрашивать не рекомендую.

Эли решила не спрашивать.

Она провела утро, осматривая замок. Это оказалось труднее, чем она думала. Аш-Дарот был огромным, запутанным, с галереями, которые вели в никуда, и лестницами, которые меняли направление, стоило отвернуться. Замок, как выяснила Эли, действительно слушался её. Она спросила вслух: «Где здесь кладовая со специями?» И дверь, мимо которой она прошла три раза, вдруг открылась сама.

Она нашла библиотеку: длинный зал с сотнями книг, покрытых пылью. Нашла оружейную, где на стенах висели мечи и щиты такого размера, что человек не поднял бы. Нашла кладовую, заставленную мешками с зерном, и ещё одну, с рядами пустых бочек. Нашла лазарет.

Небольшая комната на первом этаже, с узкими койками вдоль стен, каменным столом посередине, полками, на которых когда-то стояли склянки. Теперь они были пусты, а на столе лежала тряпичная скатка с инструментами: ножницы, иглы, пинцет. Эли развернула. Всё чистое, смазанное, будто кто-то не так давно ухаживал за ними.

Она задержалась на пороге. Потом спросила у пустоты:

— Йорн, где у вас сад?

Ответа, конечно, не последовало. Но дверь в дальнем кон-

це лазарета, до этого заколоченная досками, тихо скрипнула и приоткрылась.

За ней лежал сад.

Неухоженный, заросший, одичавший. Но живой. Грядки, огороженные низкими каменными бортиками, терялись в высокой траве. Среди сорняков пробивались целебные растения: пижма, зверобой, душица, мать-и-мачеха. Вдоль южной стены, на солнце, густо разрослась мята. А в самом углу, у старой каменной плиты, стояли кусты белого шиповника, цветущие, хотя конец осени давно миновал.

Эли присела на корточки. Провела ладонью по листьям. Они были тёплыми.

— Это ты делаешь? — тихо спросила она у камня плиты.

Камень, понятное дело, не ответил. Но Эли заметила то, что раньше от неё ускользнуло: плита была не просто плитой. На ней, под толстым слоем мха, проступал резной узор. Тот самый. Снежинка, ветвь, язык пламени.

Она осторожно соскребла мох ногтем. Под ним открылась строка букв, незнакомых, угловатых, древних. Эли не знала такого языка. Она никогда его не учила.

Но стоило ей на секунду задержать взгляд, как буквы дрогнули и сложились в слова.

Когда Лёд и Огонь станут одним, граница падёт.

Эли отдёрнула руку.

Сердце колотилось так, что она слышала его в висках. Она прочла это. Не угадала, не подсмотрела в книге. Прочла, буд-

то с детства знала этот язык.

Граница падёт. Или *перестанет быть нужной*. Или *исчезнет*. Слово не имело однозначного перевода. Оно звучало, как конец. Но могло значить и освобождение.

— Ничего не понимаю, — сказала она вслух, и собственный голос показался ей слабым.

За спиной раздался лёгкий шорох.

Эли обернулась и увидела Йорна. Он стоял в проёме двери, прижимая к груди старую лейку. В глазах его было странное выражение. Не страх, не любопытство. Что-то вроде надежды, которую стыдно показывать.

Он молча протянул ей лейку.

Эли взяла.

К полудню сад преобразился. Нет, не чудом: просто она работала с таким остервенением, будто от этого зависела её жизнь. Выдирала сорняки, расчищала грядки, подвязывала разросшиеся кусты. Йорн принёс ей грабли, потом ножницы, потом старую корзину. Они не обменялись ни словом, но к обеду Эли поняла, что у неё появился первый союзник в Аш-Дароте. Молчаливый, сгорбленный и очень надёжный.

Когда она, грязная, взмокшая, с растрёпанной косой, наконец выпрямилась, чтобы отдышаться, со двора донёсся звук.

Сначала она решила, что это ветер. Потом поняла: колокол.

Он висел у главных ворот, большой, медный, давно позе-

леневший. Эли видела его вчера, но не обратила внимания. Теперь он звонил, прерывисто, неуверенно, как звонят люди, которые не знают, правильно ли делают.

Она выбежала в сени, на ходу вытирая руки о передник. Берта уже была там, с каменным лицом.

— Кто?

— Не знаю. — Старуха покачала головой. — Сорок лет к нам никто не звонил.

Эли подошла к воротам и толкнула створку. Та поддалась без скрипа, будто ждала.

На пороге стояла женщина.

Молодая, лет двадцати пяти, в залатанной накидке, с растрёпанными волосами и красными глазами. На руках она держала ребёнка. Мальчика лет пяти, замотанного в одеяло, с лицом, бледным как мел, и с губами, посиневшими от лихорадки.

Женщина увидела Эли и отступила на шаг. Лицо её исказилось страхом.

— Прости, госпожа, — прошептала она. — Прости, мы не хотели… Я знаю, что нельзя. Но Сухой Лог далеко, а лекарь не придёт, а у Тима жар третий день, и он не просыпается… Я слышала, что в замок вернулась целительница…

Эли уже была рядом.

— Заходите, — сказала она. — Быстро.

Женщина не двинулась.

— Но лорд…

— Лорд будет не против. Заходите.

Она взяла мальчика из её рук, и он оказался таким лёгким и горячим, что Эли похолодела. Она прижала ладонь к его лбу. Огонь. Пульс бешеный, дыхание сухое, поверхностное.

Это была не обычная лихорадка. Она знала эту дрожь под пальцами.

Команды вырывались сами. Берта, вода. Много. Холодная, с уксусом. Йорн, мята и зверобой, всё, что есть. Печь, тёплое одеяло. Они бегали, ругались вполголоса, и Эли вдруг поняла, что никто из них не спорит и не задаёт вопросов.

Она уложила Тима на койку в лазарете. Расстегнула рубашонку, положила холодный компресс на грудь, растёрла настоем виски и запястья. Руки двигались быстро, точно, без раздумий, как будто её вели. Но жар не спадал.

— Что с ним? — шепнула женщина, стоя в дверях, с руками, прижатыми к губам.

— Болотная лихорадка, — ответила Эли, не оборачиваясь. — Обычные травы не помогут: она слишком сильна. Нужно что-то ещё.

Что-то ещё. Мать говорила: если рецепт не справляется, значит, ты не вложила в него главное. Не руки, не знание. Волю.

Эли закрыла глаза.

Положила ладони мальчику на грудь, одну поверх другой, как в детстве, когда помогала матери. Попыталась просто почувствовать. Тёплое тело, мелкую дрожь, тонкое, быстрое

биение сердца.

И запястье отозвалось.

Не болью, не вспышкой. Тихим, глубоким теплом, которое потекло от кожи вниз, в кончики пальцев, в ладони. Узор на её руке проснулся и засиял мягким золотом. Эли услышала лёгкий звон, будто где-то далеко коснулись хрустального бокала.

Потом стало холодно.

Не от страха, не от сквозняка. Холодом, который шёл из неё самой, ровным, чистым потоком. Он перешёл в руки, в мальчика, и она почувствовала, как внутри его маленького тела что-то тихо, неохотно уступает. Жар отступал. Не как вода от берега: как лёд, вытесняющий огонь.

На стекле окна проступил иней.

Эли открыла глаза. Тим дышал ровно. Лоб его был прохладным и чуть влажным. Румянец вернулся на щёки. Он вздохнул, повернулся на бок и, не просыпаясь, уткнулся носом в подушку.

Женщина в дверях упала на колени.

— Госпожа…

— Встаньте, — сказала Эли. Голос был хриплым, чужим. — Пожалуйста. Не надо. Он будет спать до вечера, потом даст жару снова, но слабого. Нужно поить его мятой каждые два часа. Я оставлю вам настой.

Женщина плакала и повторяла что-то невнятное. Берта, которая стояла рядом с лицом, мокрым от слёз, вытирала

глаза передником и ворчала, что сама не знает, чего ревёт, наверное, пыль.

Эли отошла к окну. Руки у неё дрожали. Узор на запястье медленно угасал, оставляя на коже тёплый, едва заметный отсвет. Иней на стекле таял, стекая тонкими струйками.

Она никогда в жизни не лечила так. Это не было знанием. Это было чем-то другим. Силой, которая жила в ней всё это время, ждала, пока её позовут, и пришла на зов, как собака, услышавшая хозяина.

Печать делает тебя нужной, сказала Исольда. *Многим.*

За спиной раздался тихий вздох.

Эли обернулась.

В дверях лазарета стоял Кайрен.

Он вернулся с обхода: пыль на сапогах, волосы растрёпаны ветром, на лице усталость. Но смотрел он не на неё. На мальчика, спящего на койке, на женщину у стены, на её руки, прижатые к груди. На тающий иней на окне.

На всё это он смотрел так, словно видел чудо.

Потом перевёл взгляд на Эли.

— Вы позволили им войти, — сказал он тихо.

— Я не знала, что нельзя.

— Нельзя было, — ответил он. — Сорок лет. Они боятся этих ворот. Они считают, что дракон сжигает всех, кто приходит.

Он помолчал. Потом произнёс, и голос его дрогнул, едва заметно, на самой границе слышимого:

— Спасибо.

Эли только кивнула.

И только поздним вечером, когда женщина с сыном уже спали в тёплой комнате на втором этаже, а Эли сидела в саду на каменном бортике, глядя на тёмные грядки, она вдруг поняла, что за весь день ни разу не вспомнила о королеве.

А замок вокруг неё дышал ровно, покойно и по-хозяйски.

Глава 11. Правила дома

К четвёртому дню в Аш-Дароте Эли составила список.

Не на бумаге: в голове, где ей было привычнее. Список назывался «Что нельзя». Первым пунктом шло: не выходить за ворота после заката. Вторым: не ходить в одиночку к реке. Третьим: не открывать окна на западной стороне. Четвёртым: не оставлять свечи без присмотра. Пятым, шестым, седьмым… Кайрен никогда не говорил «нельзя». Он говорил «лучше не», «я бы не стал», «если вам не трудно». Но когда таких «лучше не» набралось пятнадцать, она поняла, что слышит не просьбы, а правила.

Правила, которые никто не называл правилами.

Она терпела. Целых три дня, пока Тим из Сухого Лога не встал на ноги и не побежал с мальчишками во двор, пока лазарет не наполнился людьми, пока Берта не перестала ворчать и не начала просто кивать, ставя перед ней миску с едой. Терпела, потому что чувствовала себя гостьей. Чужой, на год и день, в доме человека, который позволил себя называть мужем только потому, что так сказала королева.

Но на четвёртый вечер она не выдержала.

Всё началось с ерунды. Эли возвращалась из сада с корзиной зверобоя и, проходя мимо лестницы в восточное крыло, задержалась. Не потому что хотела подняться. Просто дверь в начале лестницы была приоткрыта, и сверху тянуло тёп-

лым, едва уловимым запахом дыма и хвои. Его запахом.

Она помнила записку. *Не ходите в восточную башню без меня: не потому что опасно, а потому что там пока нечего показывать.* Хорошая записка. Вежливая. Эли перечитала её раз десять и всё равно не понимала, что значит «пока».

Лестница была узкой, винтовой, со стёртыми ступенями. Она поднималась медленно, придерживаясь за холодную стену, и с каждым пролётом тепло усиливалось. На четвёртой площадке она остановилась. Впереди была низкая дубовая дверь, и из-за неё доносился негромкий, ровный звук. Ритмичный, глубокий, как удары огромного сердца или…

— Вы заблудились?

Эли вздрогнула так, что чуть не выронила корзину.

Кайрен стоял на площадке ниже, прислонившись плечом к стене, скрестив руки на груди. Лицо у него было каменным. Волосы растрёпаны ветром, плащ в дорожной пыли: видимо, только вернулся с границы. Он смотрел на неё без выражения, и от этого взгляд казался холоднее обычного.

— Нет, — сказала она. — Просто гуляла.

— По лестнице в восточную башню.

— По лестнице.

— Я просил.

— Вы просили не ходить без вас, — спокойно сказала Эли. — Вы не запрещали.

Он помолчал. Потом оттолкнулся от стены и поднялся к ней на одну ступень.

— Хорошо. Тогда я запрещаю.

Ей показалось, что она ослышалась.

— Что?

— Эта башня закрыта. Для всех, кроме меня. Пожалуйста, не поднимайтесь сюда. — Он говорил ровно, но она видела, как напряглись желваки на скулах. — Это не обсуждается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.